

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Николай ДРОНТ

В ТУ ЖЕ РЕКУ

И удача на его стороне!

Николай Дронт

В ту же реку

Серия «Современный фантастический боевик (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36983156

*В ту же реку: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; М.,
2018*

ISBN 978-5-17-110334-7

Аннотация

Камчатка начала семидесятых – интересное место. Золотодобыча, охота, близость границы, жизнь в суровых северных местах и дальневосточные характеры. Здесь легко найти друга, но тяжело выбиться в люди. Лёха Костров знает об этом не понаслышке. Он внезапно очутился в теле себя-подростка и готовится заново пережить свое прошлое, а при удаче хоть немного помочь своей стране. Лёха – парень упорный, дай только развернуться. Он подходит к делу масштабно, учась всему: от фотографии до стрельбы, от математики до взлома сейфов. И удача на его стороне!

Содержание

Апрель	5
Май	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Николай Дронт

В ту же реку

© Николай Дронт, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Апрель

22.04.72

Чай не пьем без сухарей,
Не едим без сдобного,
Кто сказал, что плохо мы живем?
Ничего подобного!

Застольную песню тянут от всей души и, главное, громко. Опять забыли, что я сплю, и разбудили своим ором. На два выходных ящик водки и огромная кастрюля наших фирменных котлет, остальное друзья приносят, кто чего вкусенькое умеет приготовить. Семенюки славятся рыбным жареном, особенно корюшкой. Тетя Лена и дядя Миша Невстроевы пекут пышные пироги. С вареньем из морошки самые вкусные, но с красной рыбой или с кислой капустой тоже чудо как хороши. У Соколовых, тети Риты с дядей Юрой, родителей моего одноклассника и друга Жеки, специализация на заготовленных летом, вяленых на слабом северном солнышке балыках и на засоленной лично главой семейства красной икре. У дяди Васи вкуснее всех получается тушеная оленина и бульон. У нас с ним своего рода соревнование. Утром, после вчерашнего застолья, он крепким бульончиком похмеляет страждущих. Я их же отпаиваю кофе с пряностями. Хотя народ уже

давно решил вопрос – сначала Васькиного бульончику с невстроевскими пирожками, затем Лёшкиного кофейку, а затем накатить по маленькой и можно продолжать веселье снова.

А Камчатка, а Камчатка,
А Камчатка от Москвы далековата,
И сюда почтовый не идет.
И погода, лишь погода виновата
В том, что вовремя не прибыл самолет.

Это Камчатка, я там жил с родителями, пока не закончил школу.

Стоп! Не понял?!

Остатки сна мигом слетели, и сразу как будто произошел взрыв в голове. Два сознания – школьника и старика – слились в единое целое.

Полежал, привыкая к ощущениям, потом ощупал себя. Шрамов нет, зубов мудрости нет, кончик не дорос до полной мужской кондиции. Тело подростка.

В свете, пробивающемся из щелей двери, разглядываю комнату. Письменный стол, табуретка, полки, верстак. Всё самодельное. Только кровать с пружинным матрасом покупная, на ней лежу я, Лёха Костров. За то, что освобожден от физкультуры, кличут Дистрофиком и Дохлым. Я не обижаюсь, а игнорирую говорунов, они так быстрее отстают. Более приемлемые кликухи – Костёр и Вумный.

В Москве учился с тройки на четверку, а по приезде в

поселок сразу скакнул на четыре и пять. Дело не в уровне учителей, хотя не без того. Классы тут максимум по восемнадцать человек, телевидение на север Камчатки не добивается, и очень короткий зимний световой день. От нечего делать начал читать учебники и выполнять домашние задания. В общем, взялся за ум или, может, просто повзрослел. Не знаю, но с первого дня стал лучшим в классе почти по всем предметам. Так что Вумным меня зовут заслуженно.

И вот шестерками
Хиляем бодро мы,
По тропам тем,
Где гибнут рысаки,
Без вин, без курева,
Житья культурного,
Куда зазвал, начальник, отпусти!

Мать вышла замуж за отчима, и мы всей семьей почти три года назад приехали сюда. Отчим, дядя Володя, по профессии геолог, согласился отработать начальником экспедиции «на земле», а заодно написать диссертацию, с надеждой по возвращении занять должность завлаба в своем НИИ. Северные надбавки тоже стали весомым аргументом. Мать устроилась к нему в экспедицию, но в поле не ходит, только принимает образцы, подшивает отчеты, сортирует и обрабатывает присланные результаты, занимается обычными камеральными работами.

Московская квартира забронирована и заперта. Когда я закончу десятый класс, мы вернемся туда. Хотя до возвращения осталось еще чуть больше двух лет, сдавать жилплощадь родители побоялись. Был случай у знакомых, когда жилец умудрился оттяпать у хозяев одну комнату. Была квартира отдельная, – стала коммунальная.

А я еду, а я еду за деньгами,
За туманом едут только дураки...

С деньгами получится не очень. После возвращения родители камчатские накопления за год разматают. Мама с отчимом года через два после приезда разойдутся, а вскоре будет найден новый муж, но и с ним месяца через три она расстанется. Меня отправит в коммуналку, в комнату бабушки, чтобы не мешал устраивать матери личную жизнь.

Звени, бубенчик мой, звени,
Гитара пой любви напевы,
А я вам песню напою,
Как шут влюбился в королеву.

Всё! Раз тетя Рита завела свою любимую, значит, народ дошел до нужной кондиции, попросил отвальную и сейчас гулянка закончится.

А утром, между прочим, детям работать придется! Изверги, тираны и э-э... сатрапы, кажется. Как проснутся, тотчас

будут просить им кофейку сделать. Всего один раз сварил с пряностями и пенкой, сразу манеру похмеляться кофе завели. Ворчу, но без души. На самом деле горжусь почетной обязанностью и наслаждаюсь родительскими похвалами.

До сих пор не верится, что удалось попасть в прошлое. Интересно, почему именно сюда? Наверное, здесь какая-то важная развилка в моей судьбе, но как ее найти? Как начать новый путь? И куда он приведет? Ладно, разберемся. Главное, не повторить старых ошибок.

Знания из будущего наложились на память школьника. Знаю не только о глобальных событиях нашей истории, но и о своей прошлой жизни.

Из того, что может пригодиться, помню, что в результате цунами 2006 года наш поселок был разрушен. Когда разбирали завалы, в развалинах рыбозавода нашли схрон с оружием и несколько тысяч рублей советских денег. Приятель, живший тогда в поселке, опубликовал снимки в интернете. Надо будет посмотреть, нет ли сейчас тайника на том месте.

Помню, как в 1972-м при ограблении сберкассы засветились автоматы убитых в 1971-м погранцов. Потом пошли слухи про место, где бандиты хранили оружие. Я сам лазил с приятелями смотреть эту захоронку, конечно же, пустую.

Весной 1972-го насмерть замерз Петр Петрович Пантелеев, одна из легенд поселка. По слухам, он был миллионером. Деньги заработал старателем на Колыме. В годы войны купил для армии истребитель, а после победы платил детскому

дому за содержание группы из двадцати сирот фронтовиков. Когда те закончили школу, дал каждому денег на обзаведение и устроил на хорошую работу. После запрета частникам мыть золото переехал на Камчатку и больше отсюда никогда не выезжал.

В поселке каждый год по пьяни замерзало по несколько человек. Бывало, люди пропадали в пургу, иногда рядом с домом. Когда таял снег, их находили. Так и Петра Петровича нашли. У него в кармане обнаружили наган и золотой шлих, то есть песок.

Стоп! В 1972-м! А сейчас 22-е или уже почти 23 апреля 1972 года. Сегодня в школе еще линейка в честь дня рождения Ленина была. Утром надо будет сходить к старой котельной, посмотреть, как там и что.

В 1973-м трое ребят из нашей школы гоняли на моторке по бухте. Выпивши, конечно. Зачем им понадобилось при начинающемся шторме садиться в лодку, а тем более выходить в залив, никто не скажет. Моторку на третий день прибило к берегу в соседнем районе. Пацанов не нашли. Тетя Лена и дядя Миша потеряли единственного сына. Он был всего на два года младше меня.

Что еще такого было в прошлом? Драки и пьянки не в счет.

Самое значимое случилось уже в Москве, после возвращения в 1974-м. Хотя вот еще! Сразу после моего отъезда прошел слух про поимку китайского шпиона. Но, по-моему,

просто болтали. У нас единственный военный объект – это погранзастава. Ну, еще аэропорт. Кому может понадобиться захудалый поселок в тысяче с лишним километров севернее Петропавловска-Камчатского?

В Москве же случалось много интересного. Про клады читали? В прошлом... или уже в будущем, я занимался диггерством и кладоискательством, специальную литературу читал, даже однажды нашел захоронку с деньгами. Деньгами оказались отсыревшие, никому не интересные керенки. После того случая к поискам сокровищ как-то резко охладел, но за кладами продолжал следить.

Девяностые – времечко вообще самое кладоискательское! Переделывали старые особняки в элитные офисы и представительства. При ремонтах и перестройках тогда много чего нашли по чердакам да подвалам. Я точно знаю, где лежат шесть-семь интересных кладов по Москве и один очень богатый в Подмосковье. Причем там спрятана не мелочь, а вполне достойные ценности, не зря же про большинство из них в прессе писали. Еще про пару захоронок не писали, но в силу обстоятельств я как-то узнал про них. Словом, будет чем заняться по возвращении на материк.

Какие имею стартовые плюсы в новой жизни? Главное, знаю будущее. У меня всегда была хорошая память. Неплохо учусь, причем за счет соображалки, а не усидчивости. С ней как раз не очень. Я обаятельный, хорошо умею ладить с людьми. Неплохой программист, хотя эти знания еще долго

будут неактуальны.

Из не пригодившихся в будущем талантов – метко стреляю из малокалиберной винтовки. Зимой, на школьных соревнованиях, отстрелялся лучше всех и сдал на I юношеский разряд. Стрельбу бросил после школы, в Москве с тирами сложно и дорого.

Позже, в лихие девяностые, научился недурно махать ножиками. Ничего такого, три хвата, десять ударов, восемь уязвимых точек. Учитель подвальных курсов из бывших спецназовцев учил не фехтованию, а самообороне. Точнее, как быстро ударить и смыться. Он же показал, как махать нунчаками, объяснил, куда и чем бить при неожиданном нападении. Чего стоит носить с собой, чтобы и оружие всегда нашлось, и милиции не к чему было придираться.

На материке у меня открылись способности к языкам программирования. За первый же год учебы выучил несколько машинных. Как сейчас помню – АЛГОЛ, КОБОЛ, Фортран, БЭМШ, Мадлен, АЛГАМС... Как ветром их приносили и уносили переменчивые волны программистской моды. ПЛ-1, Лисп, АДА... Кто про них сейчас помнит? После десятка изученных просто перестал считать количество.

Плоховато, но кроме русского владею еще шестью языками. Корякским, правда, после Камчатки ни разу не воспользовался. Общаясь с другом Лёней, выучил идиш. Не иврит, у нас его тогда мало кто знал, именно идиш. За то был любим его бабушкой. От нее набрался разных словечек и знаю,

как по-настоящему, а не в анекдотах, говорили местечковые евреи.

Английский без особого успеха учил в школе и в институте, но только на работе взялся за изучение серьезно. Какой ты программист, коли сам не переводишь западные гайды?!

Венгерский выучил за два года частых командировок. Мы с мадьярами в рамках СЭВ¹ делали прибор. Практика в языковой среде, теория на курсах при посольстве, в результате спокойно могу общаться на рабочие темы с коллегами и на бытовые в магазинах.

Новый язык понадобился в начале двухтысячных, когда работал в совместном германско-российском предприятии. Зная идиш, выучить немецкий было не сложно. Тем более языковых курсов открылось по Москве на любой вкус и кошелек.

Китайским увлекся, начав серьезно заниматься гимнастикой ушу. Последние годы жизни даже чуток зарабатывал на нем. Регулярно ездил в Китай старшим группы желающих познать таинства ушу, кунг-фу и прочих красивых слов непосредственно из истоков. За выпас стада туристов мне оплачивали дорогу, гостиницу, выдавали немного командировочных, и за занятия с учителями я ничего не платил.

Из полезных навыков умею переплетать книги. Почему в комнате верстак? У школы стоит сарай, туда на время ремонта сложили старые книги из библиотеки. Осенью не то

---

¹ Содружество экономической взаимопомощи.

забыли про них, не то просто не успели забрать до первой пурги, в общем, сарай замело. Снега надуло внутрь на весь объем, и книги смерзлись. Весной вид у них стал не товарный, а реставрировать никто не мог или не хотел. Так они провалялись года два или три, пока я не приехал. После знакомства местные пацаны показали в поселке много интересных мест, книжный сарай в том числе.

Меня такое святотатство покорило, видать, сказалось дурное воспитание. Нашел пособие по переплету, отчим помог сделать простенький пресс, достал сапожный нож, ножовку, ножницы, кисти, клей ПВА. И непременно топор – очень нужная вещь для переплётá оказалась. Я же сказал, внутрь сарая снег попал? Летом он слегка подтаял, а следующей осенью опять схватился. Север тут, понимаешь. У нас и вечная мерзлота вполне наличествует, так что книги из льда пришлось вырубать.

Зато читаю собраниями сочинений. Уже освоил несколько. Брет Гард, Джек Лондон, Марк Твен, Вальтер Скотт. Сейчас дорубился до Конана-Дойла, прочел всего Шерлока Холмса и с ужасом понял, что автор не только про него писал.

Словом, в качестве хобби переплетаю книги из сарая. Худо-бедно, а около сотни томов за три года отреставрировал. Первые образцы получались плоховато, однако сейчас держу качество на вполне приличном уровне. Уже оброс нормальными инструментами, наработал навыки. В прошлый раз пе-

ред отъездом в Москву все отреставрированные книги отдал в школьную библиотеку. За них очередную грамоту получил.

Минусы у меня тоже есть. Как не быть? Чай, живой человек. Например, я в армии не служил. Смешно? А два врожденных порока сердца, незаращение межпредсердной перегородки и недостаточность митрального клапана не хотите иметь? Правда, к шестнадцати годам они уже почти не беспокоили, а к тридцати я заматерел и вовсе забыл про сердце. Из-за болезни не пью и не курю. Сколько дел завалил, которые мог бы решить, распив бутылочку с нужным человеком! Сколько новостей пропустил, всеми обсуждаемых в курилках!

Еще беда: когда концентрируюсь на чем-то, напрочь отключаюсь от внешнего мира, ничего не вижу, ничего не слышу, со всем соглашаюсь. В такие моменты из меня можно вытянуть что угодно, вплоть до обещания жениться. Жениться никто заставлял, но пару-тройку раз в задумчивости чуть не попал под машину, а в Венгрии даже под поезд.

С музыкальным слухом плоховато, эстрада не для меня. В начальной школе за пение имел стабильный тройка. Смеялся: «В детстве гулял с мамой в зоопарке. Залез в вольер со слоном, и он, вместо медведя, наступил мне на ухо... на оба сразу». Однако, когда появился отчим с гитарой, под его руководством быстро наострился брэнчать «ритмично-туристичное, под выпивку лиричное». Не виртуоз, однако знаю всяко больше трех бластных аккордов. В студентах даже увле-

кался КПСР. Клуб Самодеятельной Песни, или Костёр-Спальник-Палатка, эдакое сборище любителей попеть песни у костра, под гитару, на природе.

В прошлой жизни, вернувшись в Москву, поступил в институт, закончил, пошел работать в научно-исследовательский институт, женился, завел сына. Пока ездил по заграникомандировкам, жена нашла другого. Развелся, женился, завел дочь, выживал в девяностые, в двухтысячных моя жизнь более-менее устаканилась. Денег всегда мог заработать, но богатством никогда не страдал. Вышел на пенсию, потом остался один. Понял, что никому особо не нужен, рискнул принять предложение старого приятеля и получил шанс прожить свою жизнь сначала. Посмотрим, что получится.

Хотелось бы что-то поменять в будущем. Не только своему, но и страны. Но не уверен, что возможно предотвратить развал Союза.

С моей точки зрения, народ понял, как хорошо жили в СССР, лишь после тотального ограбления населения и разгула национализма в республиках. До того многие искренне считали идеалом шикарной жизни двадцать сортов колбасы в магазине без очередей.

Приезжая из заграникомандировок, я пытался донести вполне разумным людям, что за бугром своих проблем хватает. Например, с недостатком денег. Что иностранцы завидуют нашей системе образования и бесплатным квартирам, считают ничтожными платежи за коммуналку... Мно-

го еще чего пытался рассказать. Однако собеседники, подмигивая обоими глазами, говорили, что заработать-то мы всегда легко сможем. Народ бесили очереди в магазинах, хамство продавцов и мелких клерков. Хорошее воспринималось как должное, за граница становилась фетишем. Будем честны, многие верили, что капитализм – это тот же социализм, только много-много разных товаров в магазинах. Что ваучер действительно стоит две «Волги» и тебе их отдадут. Что Америка ночами не спит, желает помочь советским людям разбогатеть. Может, нашему народу просто необходимо было пережить «лихие девяностые», чтобы понять ценность завоеванного при советской власти?

Не знаю...

Что нужно для изменения истории? Знания о будущих событиях. Их есть у меня! Но очень мало, только из собственного опыта да из интернета. Я не историк, память у меня хорошая, однако далеко не абсолютная. До Брежнева с советами, как делают все приличные попаданцы, добраться не светит, скорее в психушку попаду. Да и кто мне поверит? Или поверят и что? Можно сказать: «Дяденьки, через двадцать лет в стране будет очень плохо!» А мне в ответ: «Кому плохо? Мои дети хорошо устроились!» Те знакомые, которые заработали приличные деньги в перестройку, были или детьми партийцев, занимавших хлебные должности, или бывшими комсомольскими работниками, или выходцами из криминала, или ядерной смесью этих трех категорий. Из простых лю-

дей никто особо много денег не поднял. Ну, или поднял, да долго не удержал.

Идейные коммунисты-бессребреники тоже, бывало, встречались. Однако значительно чаще, особенно на руководящих постах, попадались пустобрёхи, считающие КПСС лишь необходимой для карьеры ступенькой наверх. Они-то и затеяли перестройку.

Что остается? Писать анонимки на предателей Родины? Не так много я про них и помню.

Лично отстреливать виновных в ограблении страны? Не думаю, что, избавив страну от пары-тройки одиозных фигур, удастся переломить тенденцию к развалу. Хотя можно будет подумать про их дискредитацию.

Ладно, с лирикой пора завязывать. Требуется конкретика. Что нужно для изменения будущего?

Первое – знание ключевых точек истории.

Второе – деньги.

Третье – люди. Соратники.

Ну и, пожалуй, оружие. У меня есть только обрывочные знания по первому пункту, больше нет ничего. Совсем. Однако до смерти Брежнева еще десять лет. Быть может, что-нибудь смогу придумать.

23.04.72

Утром проснулся раньше всех. Оделся и, стараясь никого не разбудить, вышел на кухню.

Остатки вчерашней трапезы хранятся в ящике за окном, надо только нижнюю форточку открыть. На завтрак мясо, рыба и пирожки. Вкусотища! Чайник почти пустой, но мне хватит.

Пока родители дрыхнут, решил сходить за водой, тогда буду иметь моральное право не мыть посуду. Водопровода и канализации в поселке нет, удобства у нас на улице.

На нашей Луговой улице стоят двухэтажные домики, в три подъезда и по две квартиры на лестничной клетке. Перед каждым домом справа дощатый туалет на четыре кабинки, слева сарай с отделениями на каждую квартиру. Между сараем и туалетом контейнер с помойкой. Сейчас еще ничего, но через пару недель, когда растает снег, случится могучий вонизм, грязь и появится накопившееся за зиму непотребство, которое, однако, коммунальщики быстро уберут.

Сейчас тепло, градуса три мороза. Пуржит, но в меру.

Вытаскиваю санки, ставлю на них бачок, ведро и тащусь к источнику, в сарайчик с колодцем на середине улицы.

Ломом откалываю от стенок наледь, за зиму столько на стенки намёрзло, что иначе ведро не пролезает. Набираю воду и возвращаюсь. Долг исполнил, теперь могу заниматься личными делами. Тем паче никто еще не проснулся.

Поселок большой, вытянулся вдоль песчаной косы. В сезон тысяч шесть населения, в райцентре и то только три живет. Сейчас, конечно, без сезонников столько нет. Идти далеко, почти до закрытых на зиму цехов рыбозавода. Ве-

тер не слишком сильный, однако дует в лицо. Отвык я от него за годы московской жизни.

Вот и давно выгоревшая кирпичная коробка, именно там нашли покойника. Следов не видно, но за пару часов их могло замести. Ну не зря же я сюда приперся, лезу внутрь.

Оба-на! Лежит! Вроде действительно Петр Петрович. Я его только на улице видел и в клубе в президиуме на торжественных собраниях. Живой, хотя выглядит плохо, лицо совсем белое. Поморозился, похоже. Надо бы растереть. Нет, важнее быстро доставить в больницу. И что делать? Бежать за подмогой? Пока туда, пока сюда, человек совсем замерзнет. Помрет или руки-ноги отморозит.

Сдернул с обвалившейся крыши лист жести, или чем там кровли кроют, перевалил на него тело и попробовал толкать. Тяжеловато, но можно. Своим шарфом укрыл ему лицо от ветра.

– Паря, – хрипит мужик, – помоги.

– Сейчас, Петр Петрович, мы скоро доберемся...

– Загаси шмутки, – не слушает меня старик. – Должен буду.

Он сует мне чекушку², револьвер и записную книжку, похожую на те, с которыми по маршруту ходят геологи. Ни хрена себе бутылёк! Как гантеля весит. Рассовываю наган с книжкой по карманам, бутылку за пазуху. Ее прихватываю ремнем, чтобы случайно не выпала, затем продолжаю рабо-

---

² Чекушка – бутылка объемом 0,25 литра.

тать буксиром. Пока до улицы дотолкал, весь взмок.

Хорошо проходящие мужики издалека увидели, на помощь прибежали.

Мигом нашлись большие санки, пациента перегрузили и повезли в больницу. Меня с собой не взяли, лишь спросили, где бедолагу нашел? Никто даже не поинтересовался, что я там делал. И так понятно, мальчишки везде лазят. Про Петра Петровича тоже вопросов не было. Ясно же, пьяным забрел и упал, где сморило. Дело обычное, хорошо вовремя нашли.

Когда вернулся домой, мои уже мыли посуду и накрывали на стол. Похвалили, что воды с утра принес, но отругали за кофе, точнее за его отсутствие утром.

Я оправдался, рассказав, как человека от смерти спас. Взрослые заинтересовались подробностями. Доложил, но особого ажиотажа не вызвал, в поселке часто люди по пьяни морозятся. Однако вновь похвалили.

Закрывшись в комнате, достал револьвер. Он не такой, как у отчима, размером чуть меньше, но очень похож. На корпусе выбита звезда со стрелочкой в центре, а под ней число «1927». В барабане шесть патронов, под бойком седьмая камера со стреляной гильзой. Кисло пахнет свежесгоревшим порохом. Стреляли, однако.

Тщательно протираю оружие от отпечатков пальцев. Кино насмотрелся. Вдруг чего случится, и на меня ствол навесят. Где пуля застряла? Седьмая из нагана? Вот и я не знаю. Честно говоря, и знать не хочу.

Записная книжка перевязана бечёвкой с хитрым узлом. Развязать можно, но завязать обратно тем же макаром не получится. Значит, и смотреть не буду. Меньше знаешь – крепче спишь.

В чекушке сквозь стекло просвечивает золотой шлик. Я такой у мамы на работе видел. У нее, правда, пробы размером максимум на кончик чайной ложечки, а тут несколько килограммов. Пробка залита сургучом с печатью из царской монеты. Открывать не стану, хотя интересно. За хранение песка тоже реальный срок можно получить. И почему-то мне кажется, что золото много опасней револьвера, за него и убить могут. Подсуропил Петр Петрович, где мне его вещи хранить?

В большом томе старой детской энциклопедии, непонятно откуда переселившемся на полку, обвожу контуры нагана и бутылка. Затем с помощью металлической линейки и сапожного ножа вырезаю углубления. Том безвозвратно испорчен, зато тайник готов. Ко мне родители почти не заходят, и мои книги им не нужны. Наган с чекушкой закладываю в энциклопедию, книгу ставлю на полку, порезанные страницы кидаю в печь, мама как раз еду разогревает.

Записная книжка ложится под матрас. Вроде прибрал вещи. Первый день новой жизни провел не зря, возможно даже с пользой. Во всяком случае, историю мира чуток изменил, один человек не умер.

Здесь мне с детства знаком
Вкус просоленных дней,
И душою влеком
Я к Камчатке моей...

Вновь запели, значит, наши уже собрались. Пора и мне за стол. Сегодня разойдутся рано, ведь завтра рабочий день, а у меня первый раз за пятьдесят лет школа. Посижу чуток, поем вкусенького, песни послушаю, потом пойду уроки делать.

Опять же, надо много о чем подумать, многое вспомнить... Планы на ближайшее будущее составить.

24.04.72

Здравствуй, школа! Я опять иду в восьмой класс. Нас там учится 18 человек.

В девятом будет еще меньше, многие уедут в ПТУ и техникумы.

Мальчишки одеты в темно-серую школьную форму. У девочек темно-коричневые платья, черные фартуки, темные ленты в косах и белые кружевные воротнички и манжеты. Почти все девочки с косичками, а мальчики чаще подстрижены под полубокс. Однако некоторые парни до последней возможности стараются отрастить длинные патлы «под битлов», но учителя ругаются и заставляют стричься.

В школе много националов: коряков, корейцев и даже китайцев. У нас учится множество Кимов, Ли, Паков и Юн, а самые популярные имена Николай и Маша, их особенно лю-

бят коряки.

Школьные корейцы – потомки эвакуированных в Советский Союз от ужасов Корейской войны. Она закончилась в 1953-м, а беженцы всё никак вернуться не могут. Точнее, не хотят, хотя паспорта КНДР имеют. Молодежь старается сочетаться браком с советскими и сразу сменить подданство.

Программа чуть отличается от материка, мы учим «родной язык». Родной – в нашем случае корякский, даже если в классе всего четыре коряка, да и те лишь наполовину.

Коряков на Земле осталось меньше десяти тысяч человек, зато диалектов у них аж одиннадцать. Какой именно изучаем мы, школьникам неведомо, до 1930-х годов и письменности-то корякской не было. Зачем учим – тоже непонятно, ведь коряки неплохо знают русский. Однако при СССР требовали не дать угаснуть малым народам, выделяли им разные льготы. Только после распада Союза стали экономить и забили на такие излишества.

В классной комнате три ряда по три парты. Сажу в углу на последней парте, со мной Лиана – Ли Аня, симпатичная девочка. Ее родители – настоящие китайцы, бежали в СССР от культурной революции. Девочка выросла в Союзе и говорит без акцента. Помню, после десятого класса она собиралась во Владивосток, больше про нее не слышал.

Передо мной сидят Ким Коля и Лукина Ира. Колька не пойдет в девятый класс, поступит на работу в СМУ³, через

---

³ Строительно-монтажное управление.

год сопьется, а через два пропадет из поселка.

С Иркой у нас была взаимная симпатия, но ни она, ни я вовремя в ней не признались. Лет через двадцать случайно встретились в Москве, тогда это и выяснилось.

Мои приятели – Колька Попов, Юрка Семенюк и Женька Соколов.

Семя везде ходит в черной пилотке с белым кантом, как у подводников. Его мечта – подводный флот. Поступит в Ленинградское высшее военно-морское училище подводного плавания, но на третьем курсе залетит по-крупному в само-волке. Отслужит матросом и пойдет работать на БМРТ⁴.

Попик потерялся сразу после окончания школы, но лет через десять вернулся в поселок и работал там, пока цунами не смыло дома. Это его фото были в ЖЖ⁵. Сокол жить будет в Подмосковье, дружить с ним получится долго, но расстанемся в девяностых весьма погано.

Есть у меня и недруг, Пак Юра, которому я не понравился с первого дня знакомства. Почему? Думаю, сам не знает. Может, завидует хорошим отметкам? Обидные прозвища именно он придумывает. На ближайших первомайских праздниках, на танцах в клубе, Юрка из-за чего-то поругается с приятелем, и тот по пьяни насмерть пырнет его ножом, за что надолго сядет.

Соня Перельштейн подошла сразу, как меня увидела. Ее

---

⁴ Большой морозильный рыболовный траулер.

⁵ Живой журнал.

отец велел передать, что после уроков Петр Петрович попросил навестить его в больнице. По поселковым меркам Марк Аркадьевич, Сонин папа, большой человек. Директор поселкового потребкооператива, при котором есть магазин для промысловиков с дефицитными товарами. Как сложилась жизнь девочки, не помню. Вроде хотела пойти с нами в девятый, но летом в семье что-то случилось, и она вернулась на материк. Собственно, в прошлом я и не сильно интересовался ее судьбой.

Раз зовут, обязательно надо будет зайти. Заодно узнаю, куда девать вещи, отданные на хранение. Уж больно рискованно с ними, вдруг милиция нагрянет. Человека подводить не хочется, но и с ментами тереть за паленый наган тоже совсем не улыбается.

– Лёха, ты домашку по английскому сделал? – теревит меня Семя. – А то могу дать, я у Соньки списал. Пока будешь переписывать, могу твою математику тоже... того...

– Сенькою Веру уел, – благодарю за щедрое предложение, – сам перевел. Нам и задали всего-то два абзаца. Математику скатать не успеешь, скоро звонок.

– Я сам вчера бы написал, – вздохнул приятель, – но мы с Витьком на рыбалку ходили.

– И как?

– Полмешка наваги и штук двадцать корюшки. Я бы больше наловил, но Витька сказал «на праздники хватит». Давай с тобой на выходных половим?

– Куда столько рыбы? У вас в сарае кубометр наморожен! А скоро тепло будет, она стухнет.

– Не стухнет! Мы с тобой можем льда нарубить с припая. В сарай натаскаем, до августа рыбёшка долежит.

– Ага! А летом рыбу совсем ловить не будем? Сам же потянешь. Не! Я пас!

Юрка был страстным рыболовом, а я и раньше не любил сидеть на льду с дёргалкой⁶, а уж сейчас тем более мне оно неинтересно.

Закончить разговор не успели, в класс вошел Игорь Николаевич, математик и учитель физики в одном лице.

Следующие часы я вспоминал, что значит быть учеником. Ни память школьника, ни воспоминания старика не смогли сделать меня гением. Даже чтобы держаться прежнего уровня, пришлось изрядно постараться.

С математикой у меня всегда было хорошо, первый урок отсидел спокойно.

Русский проскочил на общей эрудиции, правила давно и окончательно забыл, а скорее всего, просто толком не учил, в лучшем случае «читал», однако в прошлой жизни писать пришлось много. Не беллетристику, техническую документацию, но грамотность кое-какую наработать смог. Хотя школьный учебник, чувствую, почитать придется внимательно.

От физкультуры я освобожден с первого класса. Как

---

⁶ Дёргалка – самодельная версия удочки.

обычно, пока одноклассники бегали-прыгали по залу, сидел в раздевалке и делал домашку на завтра. Пусть физически я слабоват, однако уже почти год, прочитав статью в журнале, увлекаюсь йогой. В прошлой жизни занимался ею до отъезда в Москву, заодно «позой змеи» полностью выправил себе сколиоз.

В институте ребята, под впечатлениями от японского фильма «Гений дзюдо», организовали секцию карате. Два занятия каждую неделю, преподаватель с черным поясом. Какой сенсей без черного пояса? Даже неприлично! Вроде как ширинка с оторванной пуговицей. Цена вопроса – пять рублей в месяц, с учетом стипендии в сороковник или даже повышенной в 46 рублей, – была великовата для студентов. Тем более количество учеников не должно было опускаться ниже десяти человек, иначе инструктору финансово неинтересно нас учить. Словом, когда однокурсники узнали, что я со школы «совсем йок», как шутливо говорили про увлеченных йогой, а значит, почти готовый боец, затащили в секцию. У жулика прозанимался лишь первые пять рублей, затем сбежал, сославшись на недостаток финансов.

На самом деле причина была другая: меня свели с синологом, довольно долго жившим в Китае. Он и открыл для меня прелесть ушу. Ничего боевого, только оздоровительные и медитативные практики. Группа шесть человек, те же два раза в неделю, но платили три рубля за занятие на всех, скидываясь лишь на аренду зала. Причем учитель скидывался

вместе с нами. От него-то я и заразился китайским языком.

На большой перемене, когда мы в столовке болтали о разных разностях, поглощали макароны по-флотски, закусывая их пирожками с повидлом и запивая сладким чаем, к столу подошел главный школьный спортсмен и силач, десятиклассник Вова Крюк.

Он хлопнул меня по плечу и заявил:

– Ты, Костёр, из правильных пацанов. Батя сказал, один Чалдона к людям вытянул. Уважуха тебе от всех нас за это. Если что, зови, я за тебя впишусь.

Такие слова дорогого стоят, Вовка в авторитете среди ребят. Наши стали выяснять подробности, а Крюков покровительственно подмигнул и отошел.

Химия – один из моих любимых предметов, а ее преподавателя я запомнил на всю жизнь. Птица Леонид Андреевич, приехал из Сибири, первый год в школе, но успел стать любимцем учеников. Из будущего помню, что на следующий год он станет директором школы, а еще через год его заберут в райцентр третьим секретарем обкома партии. В разгул демократии из секретарей обкома он вернется в обычную школу простым директором.

Последним уроком была моя прежняя беда, английский язык. Однако сейчас я прочитал текст, не напрягаясь. Работая программистом, хочешь не хочешь, а язык выучишь. С произношением у меня так себе, хотя лучше, чем в прошлой жизни в то время, но еще тренироваться и трениро-

ваться. Лилия Николаевна, кстати тоже Ким, даже похвалила. Она сама и по-русски с акцентом говорит, а уж английский у нее...

Учеба прошла спокойно, никто не заметил изменений во мне, можно не волноваться и жить спокойно.

Отдельных палат в больнице не предусмотрено, а тяжелых кладут в процедурную. Медсестра меня туда и направила, заставив снять пальто и набросить халат.

Петр Петрович выглядел плохо, что называется, «краше в гроб кладут». Видать, хоть не сильно, но поморозился. Еще и грудь забинтована.

Около него сидит сухонький старичок. Незнакомый, не из поселка.

На тумбочке стоит вазочка, прикрытая вышитой салфеткой, стакан чая в подстаканнике, лежат пакеты. Сразу видно – заботятся о больном.

После приветствия спрашиваю:

– Петр Петрович, как вам вещи передать?

– Алёшенька, зови меня дядей Петей. Спасибо, что меня вытащил, век не забуду. Туз, приберешь волюну?

– И не подумаю, – отозвался второй старик. – Может, он трухал на ту железку. Не обижайся, Чалдон, однако от чужих такое брать не по понятиям, а с дурой⁷ ходить мне вовсе не по масти.

---

⁷ Дура – пистолет, револьвер (жарг.).

– Придержи пока мои шмутки, Лёшик, – попросил дядя Петя. – Как выйду, заберу. А ты ему кусок⁸ кинь.

Туз достал из кармана пук мятых ассигнаций и сунул мне в руку.

– Нормально дай, – прикрикнул больной, – как положено. Здесь только на мороженое хватит.

Старик поморщился и вытащил завернутый в газету сверток. В нем оказались банковские упаковки денег. Я получил пачку новеньких десяток, целую тысячу рублей.

– Другое дело, – одобрил дядя Петя. – Алёшенька, ты пока иди. Нам, старикам, поговорить надо, завтра после школы меня навести, время на разговор с тобой будет. А сейчас зайди к Марку Перельштейну в кооператив, он ждет.

Когда вышел из больницы, встретился с Крюком, и тот вновь стал меня нахваливать:

– Ты даже не представляешь, какому человеку ты помог! Теперь и жизнь у тебя совсем другая начнется. Жить станешь в шоколаде, конфеткой «Лёшка на Севере».

– Скажешь тоже. Другая!

– Не веришь? – Вова таинственно прошептал, – Чалдон общак старателей половины Камчатки держит. И черные⁹, и красные¹⁰ из его рук кормятся. Он любой вопрос решает. Как

---

⁸ Кусок – тысяча рублей.

⁹ Чёрная масть – заключенные, придерживающиеся воровских традиций. В данном контексте любые блатные.

¹⁰ Красная масть – заключенные, сотрудничающие с администрацией мест за-

скажет, так и будет. Мой батя от него жилку получил, три сезона со своей бригадой моет, летом четвертый раз пойдут, никак дочиста выбрать не могут.

То, что золота на Камчатке много, известно всем. То, что добывать промышленным образом его невыгодно, многие знают. И что попавшимся старателям срок дают немилосердный, народ в курсе. За добычу пяточок светит, а за продажу кое-кто получил три пятилетки с конфискацией. Я сегодня специально в библиотеке Уголовный кодекс полистал. За перевозку в крупных и особо крупных размерах до десяти лет небо в клеточку будешь разглядывать. Зря Крюк болтает, в СССР стук распространяется быстрее скорости звука. Стукнут, что его батя моется, – мало не покажется.

Надеясь узнать что-нибудь полезное, зашел в потребкооператив. Он расположился в центре поселка, занимая три барака, соединенных четвертым в виде буквы «Ш». В них обосновались контора, столовая, магазин и Дом быта. В поселке есть еще магазины – продовольственный, книжный, уцененных товаров и универмаг, но они подчиняются другому ведомству, как и аэропортовская столовая, баня, клуб и кинотеатр. Вообще, от райпотребкооператива почти в каждом поселке района есть представительство. Туда можно сдать шкуры, ягоды, разнотравье и прочие трофеи, а взамен получить дефицитные товары.

ключения. В этом случае люди из властных структур.

В конторе меня ждали и сразу провели в кабинет, где Марк Аркадьевич предложил:

– Лёша, ты хороший парень, да и Петр Петрович попросил за тобой приглядеть. Ты не против поработать у нас?

– Конечно, не против. Когда? Летом после экзаменов? Что надо будет делать?

– Летом тоже, но можно начать прямо сейчас. Смотри, тут такое дело. По закону, до достижения шестнадцати лет дети работают по пять часов в день при пятидневной рабочей неделе, а в дни учебы школьники трудятся по два с половиной часа. Я могу взять тебя на ставку ученика слесаря, на полставки художником-оформителем и, вне штата, учеником охотника. Ученик охотника зарплату не получает, но как промысловик имеет право на нарезное охотничье оружие. Сдюжишь? Если что, мы поможем.

– Постараюсь.

Ежу понятно, что работы с меня требовать не будут. Начинает сбываться пророчество Вовки про «Лёшку на Севере». Такая вот получается награда, а заодно и легализация полученных от Туза денег.

– Ну и хорошо. Завтра, сразу после школы, сходи в больничку, навести Петра Петровича, потом сразу иди сюда, будем оформляться. Для фотографии возьми с собой белую рубашку и на всякий случай еще пару других, разных цветов. С твоими родителями я уже обсудил этот вопрос, они не против, чтобы ты поработал. Ученик слесаря получает шестьде-

сят рублей, художник на полставки сорок, всего выходит сто рублей плюс надбавка. Тебя устроит?

– Устроит! Спасибо большое, Марк Аркадьевич.

Еще бы меня это не устроило! Сто рублей, с учетом районного коэффициента 1,8, превращаются в сто восемьдесят. В Москве, отучившись пять лет и придя работать в НИИ инженером, я получал только сто двадцать.

Конечно, здесь цены немного выше, чем на материке. Например, водка стоит 3,92 рубля вместо московских 3,62. Фруктов практически нет, овощи привозят теплоходами, но не зря же люди сюда едут на заработки. Каждые шесть месяцев за выслугу лет добавляют еще по десять процентов. То есть через пять лет зарплата увеличивается до 280 процентов, но это верхний предел. Хотя, говорят, раньше предела не было, его установил Хрущёв, за что его на Севере особенно не любят.

Не стоит забывать про налоги и вычеты. Считая очень грубо и приблизительно, надо минусовать 13 процентов подоходного, 1,5 процента комсомольских взносов и 1 процент профсоюзных, всего 15,5 процента. Хорошо, что за бездетность пока не берут. С мужиков в возрасте от двадцати до пятидесяти лет в Советском Союзе брали аж 6 процентов. С женщин тоже, но только с замужних и до сорока пяти лет. В устном счете я всегда был силен: 10 процентов – это 18 рублей, 5 процентов – 9, 0,5 процента – 90 копеек. Итого на руки получу 152 рубля 10 копеек. Для пацана более чем до-

стойно. Мой отчим, начальник экспедиции, с северными и пятидесятипроцентной надбавкой за выслугу, около пятисот рублей получает «грязными», то есть без налогов и вычетов. Мать, старший инженер, – чуть больше четырехсот.

Марк понял, про что сейчас думаю. Он покровительственно улыбнулся и предупредил:

– Лёша, только давай сразу договоримся, что никакой пьянки на рабочем месте! Первый стакан, и мы с тобой прощаемся навсегда.

– Я же совсем не пью!

– Знаю. Вот и продолжай не пить, а то у нас соблазнов хватает, вдруг решишь передумать. Потому и предупреждаю, чтобы потом не было всяких обид.

В его словах много горькой правды, литрбол – самый популярный вид спорта в поселке. Многие одноклассники уже «потребляют», чаще тайком «красненькое», но иногда и за семейным столом. Аргументы родителей железные – «пусть привыкает», «лучше уж на глазах, чем под забором» или даже «пушай в меня, пьяницу, растёт».

– Петр Петрович попросил снарядить тебя для промысловой охоты. У тебя есть какие-нибудь пожелания?

– Может, лучше для соревнований? Я лучшим в школе отстрелялся. Скоро районные соревнования, а в школе единственная винтовка на ладан дышит.

– Ладно. Тогда мы и для соревнований тебе винтовку подберем. Причем помимо ружья, которое должно быть у насто-

ящего промысловика, охотничий билет тоже получишь.

Дома загрустил, озадачил дядя Петя, сколько времени его вещи придется хранить? Хотя отблагодарил он меня шикарно, грех жаловаться.

Беру учебник за седьмой класс, обвожу контуры пачки десятков, опять режу страницы.

В том пучке денег, что сначала дал Туз, оказалось больше ста рублей. Для пацана в 1970-х годах огромные деньги. Оставил себе пятерку, остальное доложил к деньгам в книге. Заодно решил завести себе сберегательную книжку.

За ужином родители сказали, что в курсе предложения Марка. Отчим смотрит с одобрением, мама сразу стала давать советы и причитать на тему «Ах, как быстро растут дети!». По рюмочке выпили за меня. Благо повод такой существенный – ребенок выходит на работу.

День закончил воспоминанием начального комплекса упражнений ушу и прикидками, как заняться самообороной.

В девяностых мне пришлось хлебнуть всякого, но опыт приобрел. К неприятностям буду готовиться заранее. Например, у нас еще не показали фильмы с Брюсом Ли, наверное, их пока даже не сняли, значит, нунчаки могут стать неожиданным козырем.

В торцах двух цилиндрических школьных пеналов из тонкого пластика раскаленным гвоздем прожег дырки. В отверстиях закрепил толстый капроновый шнур. Сплошь обмотал цилиндры синей изолентой. Вуаля! Нунчаки готовы! Ду-

маете, их из дерева надо было сделать? Наверное, вы себя по башке ими не били. Начинать тренировки надо с легких и мягких дубинок. Иначе сотрясение мозга от прилета собственной деревяшки гарантировано.

Вообще-то, в Союзе, если не путаться с темными личностями, было довольно безопасно. До перестройки на меня нападали всего дважды. Первый раз в пятом классе, когда пошел один в зоопарк и пара ребят чуть постарше отняла мелочь, выданную мамой на мороженое. Второй – в доме отдыха на танцах. Какой-то пьяный приревновал меня к местной девчонке. В другие случаи удавалось не влипнуть. Правда, ночами по закоулкам я не шастал. Пьяным в лужах не валялся. В пивных «ты меня уважаешь?» не выпрашивал. Одним словом, берегся.

Когда страна покатила в пропасть и криминальные разборки стали частью повседневной жизни, пошел к подпольному инструктору учиться защищаться. После курсов стал постоянно таскать с собой хреновину для самообороны – куботан. Кожаная или брезентовая ключница со связкой ключей от квартиры и пары-тройки еще каких-нибудь побольше, для веса. Соединяем с прочным круглым стержнем длиной сантиметров пятнадцать и диаметром в полтора-два. Можно конец, противоположный кольцу для ключей, слегка заточить. Чуть-чуть, без фанатизма, чтобы милиция не придралась. На стержне необходимо проточить пять-шесть канавок, для надежного хвата, и оружие готово. Тут тебе и ки-

стеня, тут тебе и явара – японский кастет. Конечно, надо знать, какие места на человеческом теле наиболее уязвимы. Естественно, должен быть настрой на бой, без него ты мясо. И обязательно тренировка, навыки наше всё, вот их мне придется нарабатывать вновь. Мешочек для ключей найти легко. Стержень придется поискать, но и тут особых сложностей не вижу. В крайнем случае, в школе есть токарный станок по дереву. Выточить куботан самому или попросить учителя несложно.

Еще у меня есть нож. Наверное, как у любого мальчишки поселка. Привезенную из Москвы шикарную раскладную ручку-указку сменял на самодельную финку. Блестящее лезвие, черная рукоять, S-образная гарда, кожаные ножны. В ней есть то, что пленительно сердцу любого мальчишки.

В поселке милиция на ножи внимания не обращала, а до Москвы финку не довез, отчим выкинул ее перед отъездом. Сейчас и сам понимаю, что он был прав, но тогда обиделся смертельно. Вот от нее точно надо избавляться. Глупо и опасно держать такое дома. Показушная, но бесполезная вещь, да и качеством так себе. Оформлена броско, однако железо на лезвии слишком мягкое, заточку совсем не держит.

Попробую сменять у ребят на что-нибудь полезное. Себе поищу ножик размером поменьше, видом попроще, но сталью получше.

Пообещал себе заниматься час в день. Нунчаки, куботан

и нож для самообороны... Йога и ушу для ловкости и гибкости... Еще хорошо бы выправить осанку, научиться садиться на шпагат, да и просто немного подкачаться.

25.04.72

Сегодня будильник разбудил меня на час раньше обычно. Синие треники с вытянутыми коленками знакомы любому жившему в то время в Союзе. Они и домашний прикид, и форма для занятий спортом, и удобный вариант походной одежды.

На полчаса удлиняю пятнадцать минут зарядки, к трем позам йоги добавляю комплекс ушу для начинающих. Пусть сердце больное, но тело необходимо укреплять.

Десять минут уходит на обтирание холодной водой. Душа нет и до Москвы не предвидится. Плюс пять минут к переодеванию.

На пятнадцать минут раньше выхожу. Час расписан, теперь главное продержаться, пока новый распорядок дня не войдет в привычку. Кроме учебников и сменки, надо не забыть рубашки, что Марк Аркадьевич просил взять. Не понял, зачем столько?

Финку убрал в портфель, хочу засветить ее перед пацанами.

Дошел до Жеки и пошел с ним в школу. По дороге пожаловался:

– Дядя Володя совсем достал. Представляешь, вчера слы-

шал, как он говорил маме, что хочет выбросить финку. Типа боевое оружие, менты увидят и повяжут, будут неприятности.

– Ну, ваще! – приятель проникся. – Что делать будешь? Спрячешь?

– Где? На улице прятать – считай, выбросил. В сарае заржавеет, да и отчим найдет. Пока собираюсь носить в портфеле. Думаю, может, стоит поменять на что, ты как считаешь?

Сей животрепещущий вопрос обсуждался до самой школы. По пути нас догнал Попик и поучаствовал в совете. Мы даже чуток припозднилились.

Ирка ехидно спросила:

– Что так поздно? Чуть не опоздал!

Грязный поклеп и гнусная инсинуация, до звонка еще целых четыре минуты.

– По телефону болтал.

Да, в поселке есть телефоны с номерами из трех цифр. Они редко бывают нужны, но поселковым начальникам их ставят обязательно, остальным по желанию.

– Кому ты понадобился в такую рань? – поинтересовалась вредная девица.

– Понимаешь, – понижаю голос до интимных обертонов, – звонили из рая. У них сбежал самый симпатичный ангел. Но ты не бойся, я тебя не выдал.

– Дурак! – девчонка покраснела, насупилась и уткнулась

в учебник.

Эх, молодежь! Интернета на вас нет! Простейших подходов не знаете! Теперь будет советоваться с подружками, обзывать меня идиотом, очень гордиться, но не подавать виду. Небось жалеет, что Анька не слышала, та сейчас с Кимбой у окна болтает.

Почти к самому звонку подтягивается Колька Ким.

– Юрка в общагу после школы зовет. В буру играть, – информирует он и, кося глазом на девчонок, добавляет: – Зинка обещала зайти.

Зинка – известная личность, прославилась прошлым летом, когда поехала «кататься» на катере с тремя морячками, а потом от них пришла радиограмма: «Срочно забирайте, а то выбросим в море».

Я опустил приятеля с небес на землю:

– Денег тебе на бутылку бормоты не хватает, а на игру тем более. В общаге без червонца шпилить¹¹ не сядешь. И с Зинкой вам ничего не светит, она сейчас с Михой Фоминым живет, вроде гулять вовсе бросила.

– Беременная она от Михи, – авторитетно подтвердила Лиана, – уже месяца два как с выпивкой совсем завязала. В общежитие теперь ни ногой, пусть Юрка не врет.

– Она у Аньки свадебное платье взяла и отнесла в ателье перешивать, – добавила Ира. – После праздников в поссовет пойдут расписываться.

---

¹¹ Шпилить – играть (жарг.). От еврейского (идиш) «шпиль» – игра.

Такой у нас поселок, друг о друге всё знают.

На перемене девчонки рванули в свой конференц-холл, за дверью с большой буквой «Ж», и весь второй урок я провел под обстрелом оценивающих женских взглядов, однако сидел, как будто ничего не понимаю.

Федя из девятого класса на перемене спросил:

– Слышал, ищешь сменять финку? Махнем на часы?

Ого, как быстро слухи пошли, еще только начало дня. Вроде поделился лишь с двумя приятелями, а уже разнеслось по всей школе.

– Федь, зачем мне часы? Будут нужны, пойду в магазин и куплю, их там десять видов на любой вкус. А финка – это... финка!

Ребята со мной согласились, что менять финку на часы глупость несусветная, и на каждой перемене стали предлагать варианты. Давали даже пневматическую винтовку, правда, сломанную, но я отказался. Охотничий нож тоже в обмен не захотел, он от финки отличается только названием. Складные ножи согласился посмотреть, они с собой почти у каждого пацана. Тут и увидел ЕГО.

Можно сказать, любовь с первого взгляда. Английское довоенное производство, надпись «Joseph Groban&Sons 1939». Боцманский нож, три предмета. Лезвие, с другой стороны свайка и открывашка. Антабка в наличии. При открытии срабатывает фиксатор, для закрытия требуется нажать кнопку и только потом складывать. Длина клинка около восьми

сантиметров, толщина миллиметра два-три. Лезвие с плавным скосом обуха, удобно и колоть, и резать. Вогнутые спуски, значит, затачиваются до бритвенной остроты. Специальный выступ, чтобы можно было открыть большим пальцем, не привлекая вторую руку. Свайка в сечении круглая, чуть изогнутая, идеальна для распутывания узлов. Открывалка не только для банок и бутылок, но и для вспарывания ниток на швах мешков. Костяные накладки такие, что рукоять сама ложится в руку. В наличии упор под палец для боевого хвата. Полезная вещь в матросской драке. Хотя в пазах полно грязи, железо потемнело и нож давно не точен, но для меня он идеален.

Делаю вид, что ведусь на иностранные буквы. Меня дожимают, добавив новенькую четырехцветную шариковую ручку. С видимым сомнением соглашаюсь и становлюсь владельцем этого чуда. Заодно и от финки избавляюсь.

– Зря согласился, можно лучше сменить, – вдруг делает вывод Сокол.

В девяностых он так же меня подставил. Сам привел покупателя и только после сделки заявил о его ненадежности.

– Вы же сами меня уболтали. Ладно, пусть пользуется. Мена есть мена.

После школы возникла заминка. Ирка явно не желала, чтобы я ее провожал, хотя живем в соседних домах. Ей надо было переварить мои слова и обсудить их с подружками. Однако, когда я собрался и пошел в другую сторону, она встала

в недоумении. Мои приятели тоже.

Семя спросил:

– Лёх, ты куда?

– На работу оформляться, – сообщаю степенно, – в потребкооперацию.

– Кем? – ахнул Попик.

– Пока берут художником, а там видно будет.

Ребята почти не скрывали зависти. Поселок у нас полон бывших зеков, кое-кто еще сядет, но по пьяни – за драки, хулиганку, на крайняк за тяжкие телесные. Воровства и грабежей у нас практически нет, бежать с добычей некуда. Бывшие сидельцы работают, да и зону большинство прошло мужиками. Так что возможность заработать у нас ценится. Художник – должность, может, не самая прибыльная, однако даже на киче¹² весьма уважаема.

На сей раз у дяди Пети посетителей не было. После приветствий он вдруг попросил:

– Лёшик, ты меня один раз уже сильно выручил. Спасибо тебе за то. Однако мне еще помощь нужна, кое-что сберечь надо. Ничего особенного. Вещички всякие разные, документики. Надежные знакомцы мои кто помер, кто далече, а другие или пропьют, или потеряют. Сам понимаешь, такое мне вовсе без надобности, память сохранить хочется. Пусть шмутки у тебя просто полежат, их и прятать не нужно. Возь-

---

¹² Кича, кичман – место заключения: тюрьма, зона (жарг.).

мешься? Отплачу сполна, благодарность за мной не пропадет.

– Сохраню.

– Вот спасибо! – Исхудавшие пальцы достали из-под подушки завернутый в плотную бумагу сверток и сунули мне в руку. – Вот возьми, конфеток подружкам купишь. Бери, не стесняйся! Дают – бери, бьют – бери и беги! Хе-хе!

В свертке лежала еще одна запечатанная пачка десятков. Пока я пялился на нее, Чалдон довольно улыбался. Потом спросил:

– Любишь котлетки?¹³ Хе-хе! Заработать еще пару косарей¹⁴ хочешь?

– Хочу, – признался я, – если справлюсь.

– Справишься, дело несложное. Я попросил, чтобы тебе летом путевочку на юг, на море придумали. Отдохнешь, подлечишься, развеешься. Без родителей, правда. Их с работы никто не отпустит, а ты школьник, на каникулах птица вольная. Про денежку не думай, тебе на поездку дам. Я старый, мне недолго небо коптить осталось, девать бумажки некуда. Разве сотенными крышку гроба изнутри оклеить. Хе-хе! Поедешь отдохнуть?

– Спасибо! Поеду, конечно!

– Вот и славно! А я приятелю через тебя посылочку передам. Завезешь гостинчик по пути?

---

¹³ Котлета – пачка денег, часто подразумевается банковская упаковка.

¹⁴ Косарь – тысяча рублей.

– Завезу, мне не трудно.

– Видишь, как удачно складывается! А он для меня, может, тоже что даст. Конфеточки там... Бутылочку... Ну, что там на материке из сладенького водится. Хе-хе! Вернешься, штучку¹⁵ заработаешь. Ладно?

– Ладно.

– Еще одно дельце в поездке надо будет сделать. Кое-что оформить для меня должны. Документик тот надо будет у человека забрать и сюда привезти. Не доверяю я почте. Вот тебе и второй косарик капнет. Там делов-то на пару дней, но послать мне некого. Лето. Самое горячее время. Люди денежку на весь год зарабатывают. Сделаешь?

– Сделаю.

– Отлично! Пугать тебя не буду, но болтать о наших делах не стоит. Никому, ни родителям, ни друзьям ничего не рассказывай. Понял?

– Понял.

– Марк остальное в свое время скажет. Я завтра в Питер, в областную больницу лечу. Однако к твоей поездке, думаю, вернусь. Но недели две-три там прокантуюсь точно. Почками сильно болею, застудился. Если б не ты... Ладно, иди, устал я. Навещать не надо, будешь нужен – сам позову. Кто спросит, о чем говорили, скажи – благодарил тебя Чалдон.

Старик закрыл глаза и, не отвечая на мои прощальные слова, затих, вроде как задремал. А я пошел на работу.

---

¹⁵ Штука – тысяча рублей.

В конторе кооператива Зинаида Петровна заставила написать три заявления: о приеме на работу, о вступлении в члены потребительского кооператива и о выдаче промыслового охотничьего билета. На Севере с четырнадцать лет можно стать промысловиком. Еще пришлось заполнить несколько анкет, расписаться в приказе и в журнале за инструктаж по технике безопасности.

Приятным сюрпризом оказалось то, что на работу приняли с первого апреля, а сегодня 25-е число, святой день – аванс. В кассе получил 72 рубля, остальное выдадут в зарплату десятого.

Затем отправили к местному фотографу.

Самуил Яковлевич фотографировал меня раз двадцать, не меньше. В школьной форме и в клетчатом пиджаке, в разных рубашках, с взрослым галстуком и без него. Минимум половину фотографий сделал, надев на мою физиономию очки с простыми стеклами в толстой черной оправе. Смысл манипуляций от меня ускользнул полностью. Решил, что ищет лучший ракурс. Может, заметку в районной газете напечатают? Опять же очки я стал носить после пятидесяти. Ладно, со временем разберемся.

Затем попал под праздничную раздачу. Членам потребкооператива давали многократно руганные в перестройку заказы к Первомаю. На материке обязательно дали бы икру и красную рыбу, здесь они выглядели бы издевательством,

по Камчатке такого добра навалом. Вместо них положили по килограмму дефицитных лимонов и чеснока. Остальное, как и везде – большая пачка индийского чая со слонем, две маленькие цейлонского, стограммовая банка растворимого кофе, палка сырокопчёной колбасы, круг полукопчёной, две жестянки шпрот и бутылка коньяка КВВК. Дефицитное великолепие запаковали в бумажные пакеты и сложили в авоську.

После продуктов настала очередь Федора Тимофеевича, продавца охотничьего отдела. Бывший промысловик скептически посмотрел на меня и призвал на помощь дядю Витю, местного слесаря, столяра, часовщика, иногда ювелира, словом, мастера на все руки, а при необходимости еще и оружейника. Они сказали, что Чалдон велел снарядить меня для промысла, а снаряжение следует начинать с ружья. Сельпо-зиум¹⁶ решил, что давно валяющийся на складе ИЖ-56 «Белка» специально для таких охотников, как я, и придуман.

Пусть старая модель, зато настоящая конфетка, самое промысловое ружье. Верхний ствол нарезной, под мелкашечный патрон, нижний 28-й калибр. В комплекте оптический прицел ПВС-1. Увеличение 2,5-кратное. Горизонтальных отметок нет, вертикальные на 50, 75, 100 и 125 метров. Не сказать, что супер, но нормальный такой прицел. Можно стрелять и без оптики, целики на 25 и 50 метров закер-

---

¹⁶ От слова «сельпо» – сельский магазин (сокращение: сельское потребительское общество).

нены на заводе. Курок изогнут вправо, чтобы взводу не мешал прицел. Весит ружье чуть меньше трех килограммов без прицела или чуть больше с оптикой. Разбирается на три части, пакуется в жесткую сумку. К тому же ствол изначально рассчитан на латунные гильзы. Лучшего и искать не надо, для молодого охотника самое оно. Нет! Доработать, безусловно, придется, даже не вопрос. Антабки звенят, резиновый амортизатор на прикладе полезно иметь, и еще кое-что поправить необходимо.

В комплект к ружью доложили полста латунных гильз, пулелейку, машинку для набивки гильз, пробойник для пыжей, ну и другое по мелочи, нужное для снаряжения патронов.

Вторым оружием выбрали винтовку, мелкашку, специально для соревнований. На складе лежали ТОЗ-12, ТОЗ-16 и ТОЗ-17. Две однозарядки и магазинка на пять патронов, но ее даже не рассматривали. Сказали, магазин выпадает, винтовка не целкая, да и роскошество пять патронов разом отстреливать, только зря деньги палить. ТОЗ-16 – ценой в 18 рублей, для охоты. ТОЗ-12 – спортивная модель, для промысла самый бесполезный выбор. Слишком тяжела, стоит в два раза дороже, прицел не тот, и вообще... Однако раз еду на соревнования в район, выбор очевиден, придется ее брать.

Зато мелкокалиберных патронов отложили пять коробок по сто штук, чтобы тренировался.

Однако ничего из отобранного сразу не отдали. Заявили, как выправят охотничий билет, тогда и получу оружие на ру-

ки. А за время оформления документов дядя Витя пообещал быстро «посмотреть» ТОЗ, а после отрихтовать «Белку».

Пользуясь случаем, попросил совета, как заточить новый нож.

Сельпозиюм переместился в мастерскую. Складень был осмотрен и одобрен. Однако точить мне его не доверили. Сказали, только зря испоганю лезвие. Мастер обещал сам наточить «к завтраму».

Милейшей души человек, за весь разговор ни слова матом, ни единого термина из блатного жаргона. Однако наколотая на большом пальце решётка с ромбом и черепом в центре положена только после «крытки», зоны тюремного типа. Доллар на другом пальце и медведь на правом запястье – признаки медвежатника. На левом запястье волк в индейском головном уборе из орлиных перьев, забыл название, сидит на льдине и воет на луну. Серьезный знак. Воровская масть «Один на льдине». На зоне такие держатся особняком, не склоняются ни к красным, ни к ворам, ни к сукам. Зато и получить могут от любого. Им тяжело приходится. Коли зек такой мастью отмотал срок, значит, крепкий и суровый человек, достойный всяческого уважения. Тату, выглядывающее из-под манжеты рубашки, – автомат ППШ, обвитый змеей. Не знаю, что значит наколка, но предпочитаю держаться вежливо.

Домой вернулся с триумфом. Оба родителя приветствовали эксплуатацию ребенка, а кооперативный заказ оказался

лучше выданных в экспедиции. Особенно обрадовали кофе, коньяк и цейлонский чай.

За ужином рассказал про ружья и подаренную снарягу. Отчим слегка напрягся, мол, неудобно дорогие подарки брать, но затем махнул рукой. Услышав, что сменял финку, мама с чувством вздохнула: «Слава богу, избавился!», а затем легко и непринужденно прихватилизировала выменянную четырехцветную ручку. Ей, видите ли, она для работы удобна! Ну и ладно, я не жадный.

Сомнения в правильности сего утверждения возникли, когда развернул подаренный сверток. Ничё так! Вторая тысяча за два дня, и еще пару, может быть, смогу заработать. Уложил пачку в тайник вместе с первой.

26.04.72

Следующий день начался с идиотского события.

Перед школой, за туалетом, где якобы учителям не видно курильщиков, Юра Пак хвастал своей первой наколкой. На запястье были грубо набиты две руки в рукопожатии, а над ними реял цветок. Татуха совсем свежая, воспаленная и болезненная. Однако Юрка был на вершине блаженства и гордо хвастал:

– Мне сказали: «Кто набил себе такое, на зоне будет дружбабаном авторитетов».

В памяти всплыли статьи в девяностых о лагерном быте. Может, за эту наколку его и зарезали в клубе?

– Юр, ты, конечно, крутой и всё такое прочее, но если вдруг тебя спросят «зачем набил», ответить сможешь? – спросил его.

– И отвечу! Ты, что ли, спрашивать будешь? – окрысился Пак.

– Не, я не буду. Мое дело сторона, мне твои дела по барабану, – отвечаю примирительно.

– Чё за шум, а драки нет? – К нам подошел Вова Крюк.

– Здорово, Вован! – протянул ему руку Юрка.

– Крюк! – предостерегающе крикнул я и похлопал по правому запястью.

– Откуда у тебя такой партак?¹⁷ – поинтересовался десятиклассник, убрав руку за спину.

– Вчера в общаге был. Нажрались там, как свиньи, коекого отжарили, и потом мне наколку набили.

– Девки были? Или только тебя жарили? – Набычился Вова. – Пошел отсюда, пидор гнойный, чтобы у школы больше не появлялся.

Вова подал мне руку:

– Спасибо, Костёр, что предупредил. Чуть не заменехался¹⁸.

Пак стал похож на вытащенную на берег рыбу. К нам подошли еще старшеклассники, а остальные ребята столпились чуть поодаль.

---

¹⁷ Партак – уголовная татуировка со смыслом (жарг.).

¹⁸ Заменехаться – испачкаться, испоганиться (жарг.).

– Об чем базар? – подчеркнуто вежливо спросил Вася Зуб.

Его папа в свое время сильно посидел за неправое дело, теперь сын везде старался насаждать «правильные понятия».

Отвечаю сразу, чтобы не доводить до серьезных разборок.

– Да ни о чём. Увидел наколку, спросил «ответить сможешь?», он сказал, ответит. Я не спрашивал с него, не мое дело.

Зубов бросил взгляд на запястье Юрки и снял свою рукавицу.

– Что нарисовано на пальце?

Перстень. Большой прямоугольник, разделен пополам. Внизу шахматная доска, наверху восходящее солнце. Над перстнем надпись «ЗЛО».

– Ну... Заветы любимого отца, наверное. Из семьи бластных ты.

Пацаны такого толкования раньше не слышали.

Василий заявил:

– Наш пацан. По жизни понимающий. Уважаю, – и демонстративно подал руку.

После рукопожатия бросил Паку:

– Быстро чухнул отсюда, петушок. Здесь нормальные люди учатся. Хочешь толковища¹⁹, хияляй к восьми в клуб.

Потом обратился к окружающим:

---

¹⁹ Толковище – разговор, разборка, иногда суд (жарг.).

– Кто не знал и зашкварился²⁰, сейчас идет и моет руки хлоркой, по незнанке на первый раз такое прощается. Дальше с ним тереть запахло.

Мне пришлось поручкаться со школьной верхушкой и постоять с ними, подождать, пока покурят. Ребята бросали любопытные взгляды, но никто не поинтересовался, откуда про наколки знаю. Только в классе Ким Коля спросил:

– Как узнать, к кому подходить нельзя?

– Если видишь крыс, свиней, птичек, пчелок, цветочки, ну и остальное в таком роде, лучше спросить у знающих, чтобы потом не мыкаться. Точки у рта, кочегар на заднице – верный признак петуха. Юрка набил себе знак пассивного... Ну, ты понял.

– А если большой крест с короной на груди? – поинтересовался незаметно вошедший Леонид Андреевич.

– Коронованный вор в законе. Высший воровской авторитет.

Тут учитель спохватился и закончил разговор:

– Поблагодарим Лёшу за столь познавательную беседу. Как мне кажется, из своих пятнадцати он отсидел в заключении лет десять, не меньше.

Ребята захихикали.

На перемене увидел Ваньку, пятиклассника. Он, как и я, любил книги и часто забегал ко мне взять очередной том из восстановленных. Подозвал парня к себе:

---

²⁰ Зашквариться – испачкаться, испоганиться (жарг.).

– Лётчиком стать хочешь?

– Ну? – настороженно спросил он.

– Не нукай, не запряг. Хочешь или нет?

– Хочу.

Сую полтинник.

– На перемене мухой слетай в магазин, купи молочных ирисок. Часть груза и сдача на горючку для самолёта. Но если узнаю, что куришь, уши оборву!

Пацан довольно кивнул. Ему хватит на кино, сладости, ну или какие там еще расходы бывают у пятиклашек.

Потом меня остановил Зуб.

– Сегодня на сходняк идешь?

– А нужно? Я же не при делах, это ты у нас за школой смотришь, тебе и карты в руки.

Пацану будто елей на душу капнули. Василий даже заулыбался от удовольствия.

– Ну не смотрю, а так...

– Присматриваешь. Вот и давай. Что я буду из себя под вора ряженого корчить? Мешать нормальным людям не по мне.

– Ты правильный пацан, заметил западло, братанов предупредил. А спросить и без тебя есть кому. Перетрем такое дело. Крюк на измене сидит, что Пак его спецом хотел зашкварить. Только ты вовремя рейсанул, а так бы он замазался.

На большой перемене, еще не успела дойти моя очередь к раздаче, как посыльный отдал кулек и, гоняя на ладошке

сдачу, стал решать с приятелем, чем бы из сладкого догнаться после обеда.

Я сел рядом с подругой и спросил:

– Ир, ты же у нас вроде Лукина?

– Да, – настороженно согласилась она.

Высыпаю перед ней конфеты.

– А почему здесь написано неправильно? Иришка Молочная?

– Гы-гы-гы! – радостно заржал Юрка Семенюк. – Ириска Молочная! Ну ты, Костер, даешь!

От щек девочки можно было зажигать спички, однако Юркино посягательство на конфеты она пресекла на лету.

Между нами тут же вклинились Кимба с Юной, меня отодвинули на край стола. Ирка демонстративно в мою сторону не смотрит, но конфеты потребляет вместе с подружками и удовольствием.

Сокол подсел и наябедничал:

– Серега хвастает, что обдурил тебя. Твоя финка – настоящий ЧЕРНЫЙ НОЖ РАЗВЕДЧИКА!

Именно так, с придыханием и восторгом в глазах. То, что железо никакое и клейма нет, не важно. Главное, назвать и самому в это поверить.

– Значит, я лоханулся. Что делать? Бывает. Зато отчим финку не выбросил.

Жека ожидал другой реакции. Нет! На провокацию не поддамся, пусть думают, что надули.

По приходе в контору меня окликнул дядя Витя. Мой складень лежит у него на столе. Очищенный, смазанный, заточенный до остроты бритвы.

– Хорош! – оценил мастер, а в ответ на благодарности бросил: – Спасибо не булькает! – и выдал кусок лinya с карабинами на концах, чтобы прикрепить один к антабке ножа, другой к шлёвке брюк.

Затем Зинаида Петровна повела на склад, где выдала спецодежду, мне по должности слесаря положено. Для работы внутри помещения – синий халат, черные хлопчатобумажные рабочие брюки с множеством карманов, такая же куртка, грубые кирзовые ботинки на шнурках. Для наружных работ – суконная шапка-ушанка, меховые рукавицы, валенки с галошами и ватная телогрейка. Зачем? Ладно халат, остальное я носить не буду. Однако положено, вот и выдали. Шмотки чуть великоваты, хотя искались маленькие размеры. Не дорос пока до взрослых кондиций. Рост относительно нормальный, но я слишком тощий.

Со стопкой спецодежды наконец удалось добраться до своего рабочего места – просторной комнаты с кульманом, длинным столом и эпидиаскопом для проецирования картинок. Стеллаж, пара табуреток, дерматиновый топчан и шкафы стоят по стенам.

Прошлого художника выперли в октябре. Как мне насплетничала добрейшая Зинаида Петровна, Марк Аркадь-

вич лично засек пьяного Володеньку чуть не лежащим на Симочке, работнице из пекарни, к которой заведующий был сам неравнодушен. Злодея изгнали за час. Сейчас он мыкается при клубе. Чтобы заработать, халтурит – рисует портреты на заказ и даже делает наколки «разным уголовникам».

Моя сентенция, что из душевных романтиков выходят законченные алкоголики, была принята и одобрена. Однако опытная женщина настойчиво посоветовала «не позволять себе» на работе.

Ну не знаю, каким человеком был художник, но наследство оставил шикарное. Самодельные шаблоны букв аж семи размеров, от сантиметра до двадцати. Заготовки стенгазет к любым праздникам на пару лет вперед. Библиотечка «В помощь художнику-оформителю сельского клуба» с заложенными закладками на полезных страницах. Краски, кисти, перья, ватман, холсты на рамах не в счет. Около сотни загрунтованных фанерок одного размера для табличек на дверь и чуть меньше накладок на них из оргстекла. Имущество аккуратно разложено и хранится в образцовом порядке, лишь немного запылилось.

В отдельной тумбочке лежат личные вещи прошлого хозяина кабинета. Три застиранных синих халата, пакет черно-белых фотографий самого непристойного содержания, коробка с десятком презервативов, три бутылки питьевого спирта, картонный ящик с двадцатью плоскими фляжками по 0,33 литра поганого трехзвездочного коньяка и, ве-

нец этого собрания, коллекция из четырех женских трусиков. Эстет – он и на Севере эстет. Однако трусики придется тишком выкинуть сегодня же. Не поймут люди, если найдут их в моих вещах. До матери дойдет, она себе такого напридумывает! Верняк скандал устроит.

Завернув одну из фляжек в старую газету, вернулся в мастерскую.

– Я же пошутил, – сказал дядя Витя, внимательно разглядывая презент, но, чтобы меня не обидеть, принял его.

Среди заготовок я выбрал ватманский лист с первомайской темой. На плакате пришлось подправить лишь чуть размазанную краску на лозунге. Подкраской и занялся.

Однако новую спецодежду предпочел побереечь. Накинул халат старого художника, размером в два меня, и развел гуашь. Я не профессиональный оформитель, однако пять лет в институте научат черчению и заполнению форм чертежным шрифтом. Пятнадцать лет работы в НИИ закрепят навыки. А пятилетнее рисование плакатов для школы, где учился мой ребенок, заставит стать живописцем. Когда часа через полтора дверь распахнулась и в комнату вошел триумvirат руководителей, я докрашивал восклицательный знак в последнем из трех лозунгов на плакате. Рисунок красной гвоздики, цветущей на фоне алого стяга, реющего на ветру, выдуваемого пограничником из медного горна, трогать не решился. Надеюсь, сюжет был навеян художнику только легкими наркотиками.

– А что?! Очень неплохо! – одобрила главная бухгалтерша.

– Я даже не ожидала, – согласилась Зинаида Петровна.

– Молодец, – резюмировал Марк Аркадьевич, – очень хорошо. А к девятому мая успеешь что-нибудь нарисовать?

Пришлось пообещать.

Вечер посвятил отработке комплекса упражнений. Что ушу, что нунчаки пошли удивительно легко. У меня создалось впечатление, что бывшие рефлексы и мышечная память никуда не делись, а просто настраиваются на новое тело. Хотя его еще долго придется тренировать. Жаль, много времени отнимают домашние задания. Можно было бы на них и забить, но, думаю, не стоит.

27.04.72

В четверг перед школой меня тормознул Зуб и после взаимных приветствий степенно объявил:

– Вчера на сходняке перетерли вопрос. Юрка продул в буру²¹ своё фуфло²², теперь он проткнутый пидор и водиться с ним нормальным пацанам запаadlo. Макар дал слово никому не рассказывать, а татуху набил, чтобы с него самого потом спросу не было.

Пацаны молча слушали. Я раньше бы лезть побоялся, но сейчас спросил:

---

²¹ Бура – азартная карточная игра.

²² Фуфло – в данном случае задница (жарг.).

– Зуб, тут другой вопрос. Из пятого «Б» Жиган с младшеклашек мелочь трясет. Оно, конечно, дело не мое. Однако не раз сам слышал, как он говорил, что на общак собирает. Я не спрашиваю, кто его поставил, у меня другой интерес – кому он навар сдает?

Ребята тему поддержали, многие слышали от Жигана такое, но никто не вмешивался. Василий изменился в лице. Он, как и все, был в курсе, но с такой стороны на дело не смотрел. Трясти мальков непрестижно, хуже, чем у валяющихся пьянчуг по карманам шарить, однако всё же допустимо. А вот недошедшие до общака деньги – это даже не косяк²³, это полный... в общем, без мата не скажешь. Сейчас Зуб обязан решить вопрос. Коли взял на себя роль смотрящего, будь добр соответствовать, ведь потом с тебя самого спросить могут.

– Так он крыса! Молодец, Костёр! Тут не толковище, а сразу правило²⁴ собирать надо!

Чтобы разрядить обстановку, спрашиваю:

– Про первое упоминание в русской литературе вора в законе кто помнит? Мы его проходили.

Народ дружно напрягся. Я выдал:

– Александр Сергеевич Пушкин. Евгений Онегин. Первая строка первой главы. Мой дядя... – выразительная пауза, – самых честных правил... Причем «правил» – глагол.

---

²³ Косяк – в данном случае неправильный, ошибочный поступок (жарг.).

²⁴ Правило – с ударением на втором слоге, воровской суд (жарг.).

Дружный гогот ребят был мне наградой. С возгласами «А чо, может, Пушкин про Зуба написал!» мы пошли на занятия.

В классе Ирка на меня не смотрела. Совсем. Но на приветствие ответила, а когда пришел Ким и бросил ей «Привет, Ириска!», недовольно зыркнула. А я что? Я ничего! Это они сами после вчерашних конфет ее так зовут. Правда, Молочная не прижилось, слишком длинно. Зато Ириска пришлась народу по душе.

На первом уроке наша классная Мария Ивановна проинформировала об исключении Юрия Пака из школы за пьянство. Все всё поняли, самым непонятливым о причине шепнули на ушко. Урок начался, и про Юрку забыли.

На перемене Коля Ким отвел меня в уголок и рассказал: – Юрка говорит, что ничего не знал. Он с Макаром на «просто так» играл. Потом напился и заснул. А когда проснулся, его на наколку уговорили и опять налили стакан. Проснулся глушняком, ничего не помнит. Может, и не было ничего?

– Может, и не было. Коль, никогда не играй на «просто так», это и есть игра на задницу, развод простаков. Если бы Юрка выиграл, ему бы сказали, что это ты на «просто так» играл, а мы играли без интереса.

– Ты только пацанам не говори, а то будут считать зашхеренным. Я с Юркой утром виделся. Его вальты²⁵ накрыли,

---

²⁵ Вальты (от карточного «вальта») накрыли – аналогично выражению «крыша

башню напрочь снесло. Он хочет Макара завалить. Говорит, лучше сдохнуть, чем пидором жить. Что делать?

– Не знаю.

– И я не знаю. Ментам стучать западло. Может, обойдется?

– Колян, честно скажу, едва ли обойдется, сам понимаешь, дело больно гнилое.

– Понимаю. Вечером с его отцом попробую поговорить.

Нет, не обошлось. Только пришел на работу, меня отправили обедать в местную столовую. Посадили у кухни, накормили до отвала, и пышнотелая заведующая тетя Даша рассказала про главное событие дня.

Пока его домашние были на работе, Юрка взял отцово ружье, патроны с картечью и пробрался в общагу. Только Макара зашел туда на обеденный перерыв, сразу получил в живот заряд из двух стволов. Пока живой, но врачи сказали «безнадёжен».

Кольку Большого, друга Макара, Пак подловил у магазина. Его бил в голову. С трех шагов из дробовика трудно промазать.

Потом убивец перезарядил ружье, прямо на улице разулся, сунул стволы в рот и нажал пальцем ноги на гашетку. От головы ничего не осталось.

Менты ругались! Столько трупов в один день в поселке давно не видели. Из района группу вызвали. Спрашивается,

зачем? И так всё ясно.

Да, еще! Один приезжий смылся. Тот, который на Петра напал. Чалдон мужикам рассказал, кто его подрезал, те выдвинулись искать шустрика. Однако приезжий ждать не стал, не то смог сбежать, не то спрятался где, а наши его не нашли. Хотя, может, только говорят, что не сыскали. За Чалдона многие впишутся, за него что угодно сделают. Башку шустрику могли оторвать свободно. Однако нет тела, нет дела, и милиция типа не в курсах.

Накормив, меня отправили делать стенд к девятому мая, а Пак... Ну да, жалко. Однако дела делать надо.

Кстати, деньги за еду не взяли, сказали, с получки разом за весь месяц разом вычтут.

Первомайский плакат уже висит на стенде. Он сильно поднял мой авторитет, народу плевать, кто делал, главное – результат. Новый попросили повесить до понедельника. От меня нужна основа, лозунг, если смогу, картинка и подписи к фотографиям ветеранов. Честное слово, я бы и сам попробовал нарисовать, хоть от истории с Юркой трясет, но готовый плакат был в наследстве. Показал его нашему фотографу. Самуил Яковлевич быстро наклеил фото и карандашом наметил подписи, а я их переписал красной тушью. С трудом, но конца дня управился. Как-то трудно привыкнуть, что после войны прошло меньше тридцати лет и ветераны еще работают рядом с тобой.

После работы получил «трофей», батон еще теплой кол-

басы из колбасного цеха и из пекарни два горячих кирпича хлеба, белый и черный. Быстрый выпуск газеты зарекомендовал меня как «трудягу». Коллектив принял за своего, а свои с работы тянули, что могли. Лозунг был при СССР «на работе ты не гость», к нему часто добавляли «унеси хотя бы гвоздь». Сам грешен, в институте радиолюбительством занимался, думаете, детали покупал?

Дома уже знали о Юрке, жалели его, но, выпив рюмку под горячий хлеб с теплой колбаской и еще одну за упокой души, забыли Кима и заговорили о первом рабочем дне. Мы обстоятельно обсудили, чем сегодня пришлось заниматься в конторе.

Потом пошел к себе, уроки никто за меня не сделает. В прошлой жизни почти круглым отличником школу закончил. Надо и сейчас быть не хуже. Тренировки тоже дело важное. Но пока поболтал с родителями, пока сделал уроки, уже пора баиньки, на упражнения времени почти совсем не осталось. Однако хоть глаза и слипались, прошел комплекс полностью. А то знаю себя – сегодня дела, завтра уважительная причина, так и брошу заниматься.

28.04.72

Утром пошел на занятия, и тут же из соседнего дома вышла Ирка, хотя обычно она раньше меня выходит. С ней дошли до школы, обсуждая смерть Юры.

На традиционном месте опять собралась толпа ребят, но

выслушивать одни и те же новости по десятому разу не хотелось, потому не стал задерживаться, сразу прошел в класс.

Ириска, как и остальные девчонки, сначала зашла в раздевалку. Они там снимали свои трико и рейтузы перед занятиями. У нас холодно, а брюки женщины практически не носят, но перед мальчишками хотят выглядеть постройнее.

Мы тоже носим под штанами либо кальсоны, либо треники, хотя перед уроками их не снимаем. Север, студёно у нас. Валенки – обычная и привычная обувь. Перчатки никто не носит, даже вместо варежек люди предпочитают меховые рукавицы.

Чуть позже, когда потеплеет, народ вместо валенок надеет сапоги. Школьники и работяги попроще – кирзовые, они дешёвые. Мужчины с пониманием предпочитают яловые. Да, тяжеловаты. Зато не протекают и практически неубиваемые, долгие годы служат хозяину. Модники щеголяют в парадных офицерских сапогах из хрома. Блестящих, легких, тонких. Кстати, весьма недешевых, 28 рублей пара, если не шить, а покупать в магазине. Один недостаток – грязи боятся. За пару сезонов теряют блеск, протираются и рвутся. Так что в тундру в них лучше не ходить.

Полуботинки надевают только на танцы и то до клуба идут в сапогах. Асфальта-то нет.

Слухи о Паке всю лето летали по школе, но к большой перемене острота спала, ребята переварили ситуацию и успокоились. Тем паче завтра у нас школьный праздник, посвящен-

ный Первомаю. Сначала торжественная часть, потом концерт школьного ансамбля, а потом танцы! Не клубные, на которые нас не очень-то и пускают, а свои, школьные, для учеников седьмых – десятых классов. Такое мероприятие отменить никто и не думал, так что постепенно обсуждение переключилось на извечные темы. У девочек «что надеть?», у мальчишек «как пронести?».

Для поддержания отношений, чтобы старшаки на праздники не цеплялись к нашим, тишком сунул трояк Крюку и пояснил:

– На организацию школьного досуга от рабочего класса, она же сельская интеллигенция.

– Дай пять, пацан! – радостно завопил Вова и ринулся делиться радостью с друзьями.

Подошел делегат от десятиклассников, поблагодарил и весело сказал:

– Если кто рамсы попутает и к тебе надираться будет – зови, поможем.

Поболтали про новое прозвище Зуба, почему-то его стали звать Вася Пушкин, и новое погоняло ему нравилось.

Еще один парень сменил прозвище. Бывший Жиган, а ныне Крыса обзавелся могучим фиником под глазом. Василий клялся, что не он его поставил. Вчера пришел к отцу Жигана, рассказал о ситуации с общаком и поинтересовался, как быть. Отец сам был из деловых, от звонка до звонка отмотал две ходки, завязал, но понятий придерживался. Сказал, раз-

берётся, и, похоже, объяснил сыну неправильность его слов и опасность деяний.

Раз Ирка стала ходить вместе со мной в школу, решил усугубить отношения. На большой перемене посмотрел на запыстье, где обычно носят часы. Конечно, ничего там не обнаружил, их подарят мне только на шестнадцатилетие. Озабоченно спросил:

– Ир, у тебя время есть?

Та взглянула на свои часики и стала было отвечать:

– Сейчас...

– Ты не поняла! Я про свободное! Может, на праздники в кино вместе сходим?

Ирка вновь вспыхнула, а ее подружки переглянулись.

– Вумный, ты что такой борзой вдруг стал? – вонзила в меня грозный взор Лёлька Комарова, наш классный комсомольский вожак и ревнитель морали.

– Чего сразу борзой? Не нравится ей фильм, пусть скажет, может, мы тогда с Попиком и Соколом пойдем.

Колька Попов сразу согласился составить компанию, а Жека с тоской признался:

– Денег нет. Мать унюхала запах курева, теперь бабулек не дает.

– Я башляю, заработал, на тебя хватит, – обещаю приятелю.

Общим собранием, где ни моего, ни Иркиного мнения не спрашивали, было решено идти в кино на 15.30 в воскрес-

нье. Восемь человек решили составить нам компанию.

Когда брали на раздаче жратву, я прикупил большую шоколадку «Алёнка» за 80 копеек. Не раскрывая фантик, поломал на дольки, потом аккуратно вскрыл упаковку и подсунил севшей «случайно» рядом со мной Ириске, которая без Маши Юн и Маши Ким последние дни в столовку не ходила.

– Угощайтесь, девчата.

Ириска, не глядя на меня, взяла один кусочек. Остальному шоколаду подруги тоже не дали пропасть, по дольке разделили между всеми девчонками.

– Ты почему сначала ломал, а потом открыл? – поинтересовалась Лиана.

– Гигиена. Руки в шоколаде через фантик не испачкаются, – просвещаю молодежь. – Опять же, людям неприятно в рот тащить, что кто-то уже облапал.

Девчата с уважением посмотрели на меня, типа клёво придумал.

На работе вывесили второй плакат. Молодые ветераны улыбались с фотографий.

Зинаида Петровна в кокетливом беретике и, кудрявой чёлкой, выбивающейся из-под него. Здесь она самая старшая по званию, младший лейтенант. Судя по знакам различия, служила в авиации. Орден Красной Звезды и три медали.

Самуил Яковлевич, с шикарными будённовскими усами, старшина. На груди медаль «За Отвагу».

Остальные рядовые.

Фотографию дяди Вити, молодого гвардейца с двумя медалями и тремя полосками за ранения, разглядывает старый дядя Витя, весь расписанный синими наколками. Увидев меня, он кивнул на доску:

– Хорошо нарисовал. Спасибо тебе от всех ветеранов.

– Что вы такое говорите! Это вам спасибо, если б не вы, то нас бы и не было.

Старик не захотел пререкаться, а, тяжело шаркая, ушел к себе в мастерскую. Я не стал объяснять, что моего тут только подписи к фотографиям, ему было не до того.

Меня вновь накормили в столовке, велели приходить обедать каждый день, рассказали поселковые сплетни, поохали про покойника – Макар уже умер, операция его не спасла. Симка, стерва, опять продинамила с сайками. Скоро людям чай пить будет не с чем. Что она у себя в пекарне думает? У Ваньки опять новая. Когда-нибудь подлецу корень оторвут и правильно сделают! А Ленка, которая Сергеева, беременная, хочет девочку. Ее козел требует мальчика, но кто ж его спрашивать будет? Слушая такие актуальные вести про малознакомых людей, чувствую – в нашем славном коллективе я прижился.

Потом меня дернули в кабинет Марка Аркадьевича, где торжественно вручили охотничий билет, книжку кооператора, документы на оружие, жесткую сумку с мелкашкой и коробки с патронами. Засим отправили домой до «после празд-

НИКОВ».

Трофеем получил трехкилограммовый (!) бисквитный торт с красивыми масляными розочками. Фирменный, из нашей пекарни. Понятно, почему спровадили, последний рабочий день отмечать будут. По терминологии будущего «корпоратив». Естественно, крепко примут, а перед молодым такое неудобно себе позволять.

29.04.72

Последний учебный день недели. Опять иду в школу с Ириной, в честь праздника наряженной в белый фартук и с белыми лентами в косах. Она косит взглядом на тортик и предвкушающе щурится.

Его несю на праздник к чаю, чуток ребят порадую. Другие принесут кто конфеты, кто печенье, кто сам что приготовил. У Ирки хворост, говорит, лично пекла. Хвастунишка, ей мама помогала. Теоретически в субботу у нас четыре урока. На практике с четвертого отпустят, чтобы успели подготовиться к торжественному собранию. На третьем пьем чай с принесенной из дома снедью. Деньги не собираем, не принято это. Как не принято есть в одиночку то, что принес на общий стол.

Второй урок уходит на сервировку, резание и раскладывание. Учимся на первом. Вы верите, что можно чему-то выучиться, истекая слюной? Вот и учителя не верят, делают классный час.

Сразу на чаепитии выясняются личные предпочтения и предрасположенности. Коля Попов пытается подсесть к Нинке, но та в последний момент меняется местами с Юной. К той подбирается Сокол, ему Машка давно нравится, а Колян, вздохнув, садится к Ленке. Девочка расцветает, хотя делает вид, что ей всё равно.

Мне, как принесшему торт (его умудрились разрезать на двадцать частей), достантся цельная кремовая розочка на высоком куске. Выщелкиваю лезвие своего козырного ножа и одним движением срезаю цветок. Дерзко и молча, не спрашивая разрешения, опускаю его на тарелку Ириски. Да, я такой! Только эпический герой может не стрескать крем, если тот ему достался. Жалкие стенания «зачем, не надо, сам ешь» игнорирую, а завистливые взгляды подруг гасят слабое сопротивление. Нежный взгляд карих глаз – достаточная награда герою. Надкусанная половинка подаренного цветка оставляет след на сладких губах и заканчивает свой жизненный путь за частоколом жемчужных зубов. Следом уходит и остаток.

Игнорирую покупные лакомства и пробую самодельные, беру не часто и через неравные промежутки времени. Compliments говорить не забываю. Хворост. «Ириска, ты как его делаешь? Вку-у-усно!» Белые грибы, похожие один в один на настоящие. Даже на ножке есть земля из мака. «Соня, тебя мама научила? Как живые!» Орешки с варёной сгущёнкой. «Потрясная вещь, Лёль. Ты сама делала?» Кусоч-

ки непонятной субстанции. Сладкой, но с остринкой. «Аня, чжэгэ хаочи. Чжэ цай юн шэньмэ цзодэ?»»

Стоп! Что случилось? Не понял! Лиана смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Блин! Я ж машинально по-китайски это сказал. Так, остальные этот момент пропустили. Кроме... нет, только Анька. Улыбаюсь ей как ни в чем не бывало. А что тут такого? Мы всегда, ежели что...

Энтузиазм пропал, но продолжать надо. Маленькие печеные пирожки с замешанной в тесто кислой капустой. «Нин, твои пирожки такие необычные. Дашь рецепт?»»

Кимба ничего не принесла и очень грустит.

Жека слишком близко сел к Юн. Или она к нему? Ирка явно благоволит ко мне, но так прижиматься не позволяет. Даже когда случайно... ну... почти случайно прижался плечом, она отодвинулась. Юна же откровенно кокетничает. То есть взрослому видно, что откровенно и очень наивно. А наша классная фишку-то сечет. Пара слов, взгляд – и девочка чуть отсела. Всё! Конец чаепития.

Как одеться на танцы? Трудный вопрос, но есть идеал, которому стоит подражать. Главное, брюки клёш. Это не обсуждается. Черные матросские клеши пошире, обязательно снизу обшитые металлической молнией. Практичные мамы с такой модой не спорят, брюки не обтираются и носятся дольше. Но нормальные пацаны понимают, что дело в другом – это клёво! Причем, если молния желтая, то ваще атас.

На брюках ремень, обязательно с пряжкой. Если родич пришел с флота, тогда его ремень почти идеален. То есть пряжка со звездой на якоре – первый сорт. Армейская пряжка или пряжка ремеслухи – второй. Высший сорт – пряжка с двумя перекрещёнными винтовками со штыками. По слухам, такие носят снайперы. Или разведчики. Или... в общем, это самая клёвая пряжка, она одна на весь поселок у Коли Кима. Не моего одноклассника и не его отца, а... Ладно, вы поняли. Коль Кимов у нас хватает.

Под ремнем на шлёвках обязательно цепочка. Очень клёво, если с бубенчиком. Но ни в коем случае не покупайте колокольчик, который продается в товарах для рыбалки! Так все делают, потому где хочешь, а достань другой. Один пацан привез из отпуска с материка валдайский бубенчик. Он ваще! Одна беда – великоват.

Остальное просто. Лаковые полуботинки. Красная или желтая рубаша с длинными, вытянутыми уголками воротника, как их тогда называли, «заячьими ушами». Лучше с вышивкой на груди, еще лучше, если вышивка золотом. Под рубашу матросская тельняшка, поверх пиджак с блестящими металлическими пуговицами. Но он совсем не обязателен, его всё равно надо снять и носить в руках. Прическа однозначно под битлов. В таком прикиде на танцульках ты король.

А если во рту блестит золотая фикса, как у Кольки Кима, ну того самого, это ваще! Уметь танцевать не обязательно,

девки сами должны липнуть, а ты к ним будешь снисходить.

Водка на танцах непрактична. Дорого, и пацаны сразу выхлебают. Ее лучше выпить с друзьями до танцев, а с собой принести бутылку бормоты. Лучше мицне, но оно чуток дороже.

Раньше, в прошлой жизни, я мечтал достать такие брюки. Теперь, по ряду причин, идеал для меня неприемлем.

Дядя Володя – хороший мужик, сильный, выносливый, но ростом не вышел, поэтому его пиджак мне широковат, однако почти подходит по росту. Обычная белая рубашка. Темно-синий шелковый галстук отчима, завязанный полувиндзором. Немного узковат на мой вкус. Мышиного цвета брюки. Темно-синие носки. Не идеал, но сойдет для сельской местности. Носовой платок с широкой синей каймой в «чердачный» карман довершает наряд. Мама одобрила, отчим тоже. Я готов к выходу в свет.

В школе особый пропускной режим.

Во-первых, чтобы не пронесли спиртного.

Во-вторых, чтобы не прошли на танцы посторонние.

В-третьих, мальчикам на второй этаж вход воспрещен.

Там переодеваются девочки.

За порядком смотрит боевой отряд пап. Они страшнее учителей и милиции для детей, а посторонним нарушителям могут так вломить, что те надолго про танцы забудут.

Папы, естественно, трезвые. Ну, по рюмочке не считает-

ся, но больше ни-ни. За этим надзирает спецназ, то есть взвод мам, защищающий второй этаж от несанкционированных проникновений и пресекающий уж очень явные нарушения формы одежды дочерей.

Переодевшись в специально выделенном классе, люди проходят в школьный спортзал, временно повышенный в звании до танцплощадки. Дефилирую по коридору, здороваясь с родителями и любуясь симпатичными фигурками. У девчат, видимо, нет идеала, они одеваются кто во что горазд. У многих юбки стали значительно более мини, чем дома на глазах у мамы. С чем это связано, мужчины понять не могут, они могут только любоваться стройными ножками. Бюст открывается умеренно, скорее всего, по причине малого размера объекта открытия. Макияжа много, особенно с учетом его полного отсутствия в обычное время. Накрашенные глазки так и стреляют по сторонам. А парни под этим обстрелом падают штабелями и сползаются к ногам безжалостных снайперш.

Ожидая начала и перемещаясь от знакомого к знакомому, наталкиваюсь на тоскующего Крюка.

– Представляешь, мы взяли, а пронести не можем. Там мой папаша стоит, он тока так фишку сечет. Что делать?

– А в чем у вас?

– Бормота в грелке и две плодово-выгодной.

– Пожертвуй малым для великого. Грелку на пузо, пол-литра в рукав. Батл забирают, дальше шмонать не будут.

– Вумный! – восхитился Вовка и испарился.

Та стройняшка в зеленом платье и со снопом черных кудряшек мне знакома. Но где ее серьезность и неприступный вид? Даже стоящая рядом мама девочку не смущает.

– Добрый день, Дина Моисеевна! Вы заметили, какая у вас красивая дочь?

– О! Лёша, вы ли это? Такие комплименты!

– Дина Моисеевна, я не выл. А комплименты принципиально не делаю. Я всегда говорю только чистую правду. Если сказал, что ваша дочь красавица, значит, так оно и есть.

– Совсем взрослым стал! Как дела в школе?

– Азохен вей! Дина Моисеевна, вы же знаете нашу школьную программу! Какие у меня могут быть дела? Это Соня, шейн ви голд! Ей не обязательно учиться. У нее будут солидные женихи, а вы будете нянчить красивых внуков! Хотя ее учеба так же прекрасна, как чудесны ее тающие карие глаза.

– А почему ты мне ничего такого не говоришь? – возмущается девочка.

– Соня, ты же знаешь какой я робкий.

Следующие несколько минут болтаем о разном, временами переходя на идиш. Что-то меня понесло, хорошо Крюк появился и призывно махнул рукой.

Воспользовался случаем, извинился и подошел к Вове.

– Ну как?

– Нормуль! Одну гнилушку конфисковали, дальше шмонать не стали. Полную грелку пронесли. Смотри, сейчас Чу-

ня тянет вторую.

Отцы сразу zaseкли поллитровку в рукаве, конфисковали ее, и уже было отпустили несуну. Но тут случилось страшное. Грелка вывалилась из-под ремня прямо на пол под ноги бдительным стражам. Стон отчаяния пронесся по коридору. Неуклюжий растяпа обломал надежды целого класса. Хуже того, отцы поняли, что, даже найдя, надо продолжать шмон. От немедленного линчевания одноклассниками Чуню спасло только начало торжественной части.

Речи длились всего полчаса, меньше малого, по сегодняшним понятиям. Школьный ансамбль предложил совместить концерт с танцами, на что народ радостно согласился.

Под окнами кучками стоят мальчики, у противоположной стены группки девочек. Перешептывания, хихиканье и редкие парочки, танцующие в центре. Ребята еще не в том настроении, чтобы осмелиться приглашать.

Дождался чего-то медленного, лиричного, на английском языке и пошел через зал. Приглашать на танец нас учили еще в первом классе. Пожалуй, это единственное, что я умею в танцах хорошо. Подход, поклон и рука девочки в моей руке. Выходим на середину. Моя рука у нее на талии, ее у меня на плече. Расстояние между нами пионерское.

– Ты совсем дурак, – сразу зашептала партнерша. – Зачем пригласил? Теперь говорить будут!

Вроде ругается, а самой приятно, сразу видно.

– Что будут говорить? – якобы не понимаю я.

– Что мы ходим вместе.

– Ну и что? Пусть говорят. Я всё равно летать не умею.

– Дурак!

Это намек, что я неправильно что-то сказал?

– Ну, давай ходить вместе. Тогда и сказать будет нечего.

– Нет, так нельзя. И в следующий раз кого-нибудь другого пригласи, ладно? Соньку свою, например. А меня только после нее.

Танец закончен. Отвожу подругу. Возвращаюсь к друзьям. Был такой мультик «Следствие ведут Колобки», мое состояние можно описать цитатой оттуда: «Ничего не понимаю». Почему Сонька моя? Куда мы будем вместе ходить? И главное! За фигом мне оно надо?! Чего-то я в прошлой жизни пропустил.

Ансамбль делает перерыв, им тоже потанцевать хочется, включается магнитофон, а с ним и светомузыка. Только для того, чтобы она ярче мигала, и ни для чего другого, выключается свет. Время дневное, в зале довольно светло, но сразу стало интимней.

Вдохновлённый моим подвигом, Семя бросается в атаку на семиклассницу Лену.

Сокол, глядя на него, берет на бордаж Юну.

Другие пацаны тоже идут к девчонкам. Не все! Есть еще стойкие товарищи, но их мало.

Я, как велено, пригласил Сою.

– Не боишься? – спрашивает она.

– Чего?

– Не чего, а кого. Свою Ириску.

– Она не моя. Вон, видишь, с Кузей танцует.

Разговор прерывает врзавшаяся в нас парочка. Сокол с Юной прилипли друг к другу и ничего не замечают. В результате столкновения Сонька на мгновение прижалась ко мне. Впечатления самые приятные. Выпуклости в стратегических местах приятно амортизируют. Да и она тоже была не сильно против сближения. Жаль, танец закончился.

– Лёха, хлебнуть хочешь? – великодушно предлагает Вова.

– Нет, спасибо.

Тут главное не дать слабину. Согласился один раз – отказаться в другой нельзя, обидишь. Выпив глоток двенадцатиградусной бормотухи, не откажешься от водки, не поймут. Если отказываешься всегда, презрительно жалеют. Дохлый он. Сердечник вроде. Дистрофик, гы-гы! Ладно, нам больше достанется!

– Как хочешь! Представляешь, девятиклассники в клешах пронесли четыре бутылки!

– Уметь надо! Наши только две мицне заначили.

– Дык! Ладно, я к Нельке.

Опять ансамбль заиграл медленный танец. Светомузыки нет, но свет «забыли» включить.

– Ты зачем меня приглашаешь? Приглашал бы свою Соньку.

– Ты же сама велела! И почему она моя?

– Я не велела! Танцуй с кем хочешь, мне какое дело!

Мордочка недовольная, Ирка реально сердится и не идет со мной танцевать. Вместо нее подает руку Лиана. Кружусь с ней. Она прижимается ближе, чем Ира и Соня. Это потому, что темнее? Танец быстро закончился, а у меня голова идет кругом. Гормоны, блин!

Пацан из десятого вернул после танца Кимбу. Она чуть постояла с девчонками, потом неожиданно залилась слезами и бросилась к выходу из зала. Что случилось? Парень вроде нормальный. Хотя помню. Она родит ребеночка и не пойдет в девятый класс.

– Слышь? Дай рубль.

Это Быстров Саня из девятого. Трояк я ребятам подарил. Сам. Мог бы и не давать ничего. А вот это уже наезд. Раз дашь, потом кто ни попадя тянуть будет.

– Иди на паперть. Говорят, Бог нищим там подает.

– Тебе жалко, что ли? Дай, говорю, рубль.

– Твоя морда похожа на плевательницу. Прошу, избавь от соблазна.

– Да ты знаешь, кто я?!

– Бич поганый?

За такими словами обычно следует предложение выйти, но лучше раз получить по морде, чем из тебя всё время деньги тянуть будут. Неожиданно моего противника кто-то вежливо хлопает по плечу. Тот оборачивается. К нам подошел

Дима Молоток из десятого. Крюк здоровый, и его боятся. Зуб-Пушкин деловой, и с ним не связываются. Молоток по жизни безбашенный, от него народ бежит сразу.

– Тебе сказали в церковь, на паперть? Быстро пошел! Наберешь трояк, заноси, поговорим.

– Да...

Сильный удар в живот, и Санек заходится в кашле.

– Пошли на улицу. Надо ж тебе объяснить, кто нормальный пацан, а кто бич подзаборный.

Крюк и еще пара парней подтягиваются, и компания покидает зал. Через два танца возвращаются без Санька.

– Лёх, мы объяснили политику партии. Если что, зови.

– Спасибо, ребят. Сам бы справился. Вы знаете, почему говорят «положа руку на сердце»?

– Не... – народ ждет от меня прикола.

– Это потому, что у вас нет груза на сердце. А у меня он есть.

Отдергиваю левую полу пиджака. Во внутреннем кармане плоская фляжка 0,33 поганого коньяка от художника.

– У! – взвыл народ. – Конкретный пацан!

Тут на всех только по глоточку, но тогда, когда уже у народа всё закончилось. И не дурная бормота, а «благородный» напиток. Меня чуть не начали качать.

Сокол обиженно протянул:

– Да! А своих друзей не угостил!

– А мои друзья за меня вписались?

– Так я это... далеко был.

– Вот и я не дотянулся.

Отпущенные три часа движутся к завершению. Поселковая традиция – белый танец почти в самом конце вечера. Главное правило – отказывать нельзя. Иначе девчата будут делать «Фи!», а пацаны могут вписаться за обиженную девочку. И, скорее всего, впишутся, что может быть лучше легкого мордобоя после танцев?

Смотрю на Ирку. Жду. Сейчас лучшее время для примирения. Хм... Ирка подходит к Лисе, Ли Сане из девятого класса. Обидно, досадно, но ладно!

– Разрешите пригласить?!

Девочка из седьмого класса. Как зовут, не помню. Клanyaюсь, беру руку и кружусь в вальсе.

– Меня Катя зовут.

– Очень приятно познакомиться. Я Лёша.

– Знаю. Ты из восьмого класса.

– Точно.

Ловлю бешеный взгляд Ирки и ехидный Сони. Они думают, я попал? Может, и попал, но прогибаться под Ириску не буду. Девочка журчит, я ей отвечаю. Затем довожу до места и благодарю за чудесный танец. Она расцветает. Подружки недовольны. Сами, небось, подначили.

Подходит Зуб с парнями из девятого. С ними Крюк, Молоток и еще пара из десятого.

– Лёш, мы ничего такого, – извиняется Пушкин, – Саня

сам по себе. Мы ему подсказем правильную линию.

Ну да, Василий же из девятиклассников.

– Без проблем. Ты ж понимаешь, подошел бы, спросил пацански, мол, нет ли чего с собой? А то прет буром, рубль ему дай. У меня тяжесть на душе после первой получки, думаю, с пацанами смою, а он... Ребята, снимите тяжесть с моей души? – Распахиваю правую полу пиджака. В кармане близняшка левой фляжки.

Народ в восторге:

– Ну, ты ваще атас! Клёво! Козырный пацан! Ща хрюкнем! Да мы такую тяжесть враз!

Делу конец. Школьные авторитеты замирились, махать из-за меня не будут. Может, другой повод найдут, но осадка от наезда на Санька не останется, дело уже порешали.

Танцы закончились. Отцы ласкают взглядом конфискат и ждут. Мамы обороняют второй этаж и режут закуски. Уничтожить конфискованное же надо, а выпивка без закуски называется пьянкой. Вылить? А в морду за такие шутки не хочешь? Скажут же такое на ночь, до утра кошмары сниться будут.

Мимо продефилировала на выход Ириска с подружками. Попытка привлечь ее внимание была проигнорирована. Сонька с мамой идут следом. Подмигивает и сочувственно качает головой. Не понимаю я женщин. Ладно, тогда мне тоже пора.

Часть пацанов тянет на подвиги, они собираются в клуб,

там тоже сегодня танцы. Часть думает, где бы взять еще... Им не светит, магазины уже закрыты. Прорваться на танцы, в принципе, тоже шансов маловато. Это здесь пацаны круты, там есть кто и покруче.

Однако третью фляжку я сэкономил. Хороший пиджак, под ним многое скрыть можно.

30.04.72

Воскресенье. Впереди три дня отдыха и куча планов. Сегодня в 15.30 идем в кино. Или не идем? Ирка как хочет, я точно иду. Это раз.

Засветился перед Анькой Ли, надо отработать прикрытие. Вчера взял в книжном сарае древний учебник китайского. Надо его переплести, он станет отмазкой. Это два.

И три, самое интересное, хорошо бы посмотреть на захоронку с автоматами. Если они там лежат, буду думать дальше. К тайнику с оружием и деньгами пока не пройдешь, летние цеха рыбозавода завалены снегом, надо подождать неделю или две.

О! Мои проснулись! Все-таки повезло с отчимом: добрый, хороший, понимающий. Ко мне в душу не лезет. Хозяйственный к тому же. Чего мать с ним разводиться будет? Пойду, сварю кофе болезным, плохо им после вчерашнего застолья. И коньячку налью. На закусь сделаю лимон с молотым кофе, рецепт из будущего. Родителям должно понравиться.

– Бать, накройтесь! Кофе вам несую!

Поднос, на нем две чашки кофе с пенкой, две рюмочки с коньяком и блюдце с кружками лимона, посыпанными кофейной смесью.

Обалдевшие глаза родителей. Не от подноса, такое бывает, от «бати». Они два года пытались сделать что-нибудь, чтобы я называл его отцом, потом бросили. В прошлой жизни он так и остался дядей Володей, а сейчас мне легко удалось перестроиться.

– Вам кофе в постель? Или лучше оставить в чашках?

– Лёш, ты чего такой? Вчера что-то случилось? – дядя Володя волнуется о моем душевном здоровье.

– Да нет, дела нормуль.

– Тебе деньги нужны? – мама пытается понять источник моего преобразования.

– Мам, я не меркантилен. Лучше не думайте, а пейте кофе. На всякий случай поясню – лимоном надо закусывать коньяк.

После завтрака родители шушукуются, и мама роется в шкафу.

Для переплета разобрал учебник китайского на тетрадки, переложил страницы газетами и положил на решётку около батареи сушиться.

Кстати, увидел во дворе Ванюху с приятелем. Выскочил на улицу и зову:

– Лётчик, планируй сюда. В кино хочешь?

– Да!

– Держи два рубля, бегом в кассу, покупаешь четыре самых козырных билета. Мне, себе, Ириске и Соколу. Сеанс 15.30. Они стоят по 45 копеек, оставшийся двугривенный тебе на пропой души.

– Сделаю в лучшем виде.

В комнату заглянула мама.

– Лёш, зайди к нам.

Иду, раз зовут. На столе две коробочки. Часы. Отчим смущенно начинает:

– Мы тут на шестнадцать лет тебе приготовили. Но ты уже совсем взрослый стал, работать пошел. Без часов тебе ходить неудобно. Вот, выбери себе.

С часами в семидесятые годы проблем не было, они лежали в любом магазине. Но всегда был дефицит. Здесь лежало сразу две штуки. Широкий, сантиметров пять, черный кожаный ремешок, самый последний писк моды. Часы на ремешке хорошие, но обычные. Стандартный «Полёт» в квадратном, позолоченном корпусе. Конечно, в прошлой жизни я выбрал их из-за модности и позолоты. Второй дефицит – водолазные часы «Амфибия». Толстые, тяжелые, на металлическом браслете. Противоударные, с автоподзаводом. Водонепроницаемые, без дураков выдерживают давление чуть не до 200 метров под водой. Тогда я их не оценил, а зря. Такую модель нельзя было купить, как и «Командирские», – их «доставали». Сейчас взял «Амфибию». Отчиму пришлось сни-

мать лишние звенья, чтобы подогнуть браслет мне по руке. Зато в кино пойду при часах.

Ванька вернулся с тремя билетами, на сдачу он себе с приятелем взял два на первом ряду. Там цена всего 20 копеек, зачем тогда зря деньги тратить? Я оторвал свой билет на центральное место, а остальные поручил отнести Жеке и Ирке. Наказал: если девочка не возьмет, никому билет не отдавать, а при ней сразу же порвать.

Кинотеатр у нас новый, сдали в прошлом году. Теперь три сеанса по будним дням и шесть по выходным показывают фильмы. Раньше кино крутили в клубе, но тогда приходилось решать – кино или танцы? Зал-то один. Теперь там вечерами работают спортивные секции, чтобы помещение не простаивало, а по субботам и в праздники устраиваются танцы.

На сеанс пришел пораньше, надо же с народом пообщаться. Новостей было море. Две. Первая и главная: нашим настучали, когда они пытались прорваться на танцы. А чего хотели? Мы в школу не пускаем, нас в отместку – в клуб. Правда, есть возможность устроить постоянную клубную прописку. Народ знает, как. Две бутылки водки, и ты свой на веки вечные. Однако по морде всё едино могут дать, если кого не того пригласишь на танец. Но то другое дело, тут любовь, ревность и высокие чувства. Две водяры дорого, опять же отдашь их и только проход получишь, а авторитет не заработаешь. Вот если сам протыришься раз несколько и примель-

каешься, тогда ты клёвый.

Вторая новость с метеостанции. Идет шторм, накроет завтра к вечеру. Значит, два дня ветер, пурга, из дома не выйдешь. Запасаемся хлебом и водкой, чтобы не бегать в магазин. Лучше бы шторм пришел числа третьего, тогда бы в школу не пошли. Но весть хороша, последняя пурга, после нее начнется лето.

На фильм пришло больше половины класса. Часы оценили, но они не особо понравились. В прошлый раз на широкий ремешок реагировали куда сильнее. Сокол вернул, было, деньги за билет, его мать простила, но в последний момент потратился на женщин, купил шоколадку Юне. Ирка не появилась, Лётчик сам не знает, придет она или нет.

Когда стали рассаживаться, вместо Жеки ко мне подседа продавщица из книжного.

Сокол попросил поменяться, чтобы оказаться рядом с Машкой Юн.

Только когда пошел журнал «Новости дня», в кресло села Ирина с покрашенными ресничками.

Я с интересом смотрел на экран. Черно-белый экран, узнаваемая заставка. Суслов открыл заседание, Громько сделал сообщение, космонавт Береговой задал вопрос, рабочие высказались, ратифицировали. Субботник, праздник труда, с высоким качеством, сверх плана всегда и везде. США бомбят Вьетнам, естественно, мы осуждаем. Дальше в таком же роде. В конце журнала показ новых моделей обуви

и требование свободы Анджеке Дэвис.

От волнения при проходе манекенщицы в новых туфлях подруга не заметила, как ее рука оказалась в моей. Когда зажегся свет, она попыталась вернуть, но я не отдал.

Фильм был жизненный, антураж как в нашем поселке. Называется «Верись, не верись». Действие происходит в такой же глуши, как наша. Улучшенной до киноверсии, конечно. Она любит его, но ребенка рождает от другого. Он приходит из армии и едет к ней на нефтеразработки. Туда же направляется отец ребенка. Оба дружно переживают. В конце она с ребенком сбегает от обоих. Фильм – нуднятина жуткая. Мне понравились только две вещи. В самый трагический момент удалось приобнять Ирку, а в конце разок ее чмокнуть. К сожалению, только в щечку.

Еще в пылу от переживаний Ириска шепнула:

– Кимба тоже беременная.

– Да ты что! От кого?

– Не говорит, только ревет.

После выхода из зала Жека выглядел счастливее меня, а Юна была слегка растрепана.

Через час вернулся домой, несколько смущенный. Ирку я проводил, и в подъезде она даже чмокнула меня в щечку, но тут вошел ее папа. Не факт, что засек чмоки, но выглядел весьма ошарашенным.

Дома оказались неожиданные гости. Марк Аркадьевич, дядя Витя и человек, представленный дядей Юрой, хотя в

палате Петр Петрович называл его Тузом. Пока меня ждали, они уже выпили по чуть-чуть с родителями, начальник рассказал про мои успехи на ниве рисования стенгазет, а дядя Витя профессиональным взором осмотрел инструменты для переплета. За едой спросили про учебник китайского языка. Интересуются, зачем мне он?

Заявляю:

– Так ведь полезно! Английский многие знают, а китайский почитай никто. А язык потенциального противника знать надо.

– И как получается?

– Не очень. Поговорить не с кем.

– Господи! – удивилась мама. – Как ты его выучил?

– Просто учебник под руку попался.

– М-да... Есть талантливые дети, – задумчиво промолвил Марк Аркадьевич.

Как оказалось, люди зашли по делу. Петр Петрович очень плох. Перед отъездом в Питер решил распорядиться имуществом. Мне велел отдать ружья и охотничье снаряжение, которое найдется в его доме. Дескать, если встанет, то заберет, а коли помрет, пусть спасителю на память будет. Вот душеприказчик дядя Юра в присутствии свидетелей и выполнил его волю, принес то, что нашлось в доме дяди Пети на тему охоты.

В красивом кожаном чемодане хранится шикарная немецкая трёхстволка с двумя стволами двенадцатого калибра и

под ними третий, нарезной, под мелкашечный патрон. Приклад и цевье резные, железо изрисовано золочёной гравировкой. Принадлежности для чистки в вышитом чехле. Такое ружье в музей надо нести, а не на охоту с ним ходить. К нему прилагается новый патронташ, с уже снаряжёнными бумажными гильзами. Есть еще коробка с такими же.

Второе ружье – древняя курковая одностволка ИЖ-5 калибра 28. Она сильно потаскана и побита, приклад в двух местах обмотан бечевой, но смазана и ухожена. Калибр маленький, однако промысловики предпочитают именно его. Легче ружье, дешевле боеприпасы. Кстати, диаметр ствола 14 миллиметров, против 19 у двенадцатого калибра. Так что пусть пуля вдвое легче, но тоже не слабая. К нему дали коробку с двумя десятками патронов в латунных гильзах.

Здоровенный охотничий нож завершил список оружия.

В крепком деревянном ящике уйма принадлежностей: от машинки для набивки гильз до тигля с бензиновой горелкой для плавки металла. Кстати, рыболовные снасти тоже наличествуют в достаточном количестве.

В сидор сложили остатки дробы, капсюлей, пороха и всего остального охотничьего, что нашлось в доме Чалдона.

Мама неискренне восхитилась ружьем и пошла на кухню за горячим.

Отчим ходил вокруг трехстволки, как кот вокруг блюдечка со сметаной.

Я поинтересовался насчет претензий от милиции. По это-

му поводу меня успокоили.

Затем выпили под горячее, еще раз за здоровье дяди Пети, расходную, стремennую, на ход ноги, затем гости ушли.

Отчим сразу выпросил сумку с ружьем для показа, схватил бутылек и сбежал к дяде Васе в соседний подъезд.

Я же остался разбираться с принесенным. Оно вызвало у меня определенные сомнения. Чалдон попросил сохранить памятные вещи, а что прислал? Разве только трехстволка на ностальгические воспоминания тянет. Опять же, когда дядя Вася лил пули, то ставил свинец в ковшике на электроплитку. Тигель с мощной горелкой совершенно излишен, даже вреден. А вот для чего-то более тугоплавкого он необходим.

Пока никто не видит, разобрал один патрон. За картонной прокладкой стоит войлочный пыж, вытаскиваю и его. Осторожно выкатываю пулю, отлитую в обычной пулелейке, за ней тяну пыж, вторую пулю, опять пыж, и тут показалось донце. Пороха нет, зато пули золотые. Судя по цвету, высокой пробы. Я даже измерил одну и взвесил. Диаметр 18 миллиметров, вес около 50 граммов. В запасах Петра Петровича нашел для сравнения свинцовую пулю. При одинаковом с найденной пулей диаметре она весит всего 30 граммов. Набил патрон заново. Ну как смог. Главное, пули спрятал и не оставил видимых следов разборки патрона.

В латунной гильзе тоже оказались две круглые пули желтого металла, весом больше двадцати граммов каждая. Патронов двенадцатого калибра в патронташе 24 и в коробке

42. Добавляем двадцать гильз калибра 28. Считаем по две пули. Умножаем на 10 рублей за грамм и офигеваем от результата. Такая забавная арифметика получается. Убьют меня из-за нее, если вдруг узнают?

Раз пошла такая пьянка, решил проверить остальной багаж. Там ничего такого, только в банке с порохом заныканы патроны к нагану. В мешочке с дробью деревянная коробочка с десятком взрывателей для аммоналовых шашек. И на дне ящика бикфордов шнур. Ерунда, лет на пять, если повезет с адвокатом.

Май

Разговоры

– Мам, ну что ты придумываешь? Я не гуляю с ним! Почти...

– Все вы, девки, дуры! Сейчас говоришь почти, потом вдруг уа-уа ребенок плачет! Сама не поняла, как получилось!

– Ма! Хватит, а! Что ты себя накручиваешь? Подумаешь, разок поцеловались! И то не серьезно.

– Пойми, тебе он не пара. Десятый класс закончит и уедет к себе в Москву. А там таких, как ты, миллион. Все приезжие и все женихов с квартирой ищут. Бросит он тебя. Бросит! Помяни мое слово!

– Лёша не такой.

– Все мужики одинаковые. Но тут еще и другое. Больной он, сама говорила. Детишки больные рождаются. А матери его, думаешь, ты нужна? Не примет тебя, где жить будете?

– Я только после института замуж выйду. И папе он нравится.

– Тебе потом плакать придется! Не папе!

– Соня, этот симпатичный мальчик еврей?

– Какой?

– С которым мы разговаривали на танцах. Он тебе еще милый комплимент сделал. Который знает идиш. Алёшей зовут.

– Лёша? Нет, не еврей. Его фамилия Костров.

– И что? У дяди Изи фамилия Кузнецов.

– Ну не знаю... Правда, у него не отец, а отчим...

– О! Хоть что-то! Его мама точно не еврейка.

– В чем разница?!

– Ну, не скажи... Разница есть. Семья у него очень приличная. Отчим – начальник экспедиции, мама тоже там работает. Твоему папе мальчик нравится. Умный, работающий, непьющий. Теперь, оказывается, что говорит на идиш. Надо бы поточнее узнать, кто его бабушка по маме.

– Зачем?

– Как тебе сказать? Мы с папой были бы не против русского зятя из хорошей еврейской семьи. И не делай мне такие глаза! Я только подумала.

– Ну как паря? Бабло мотает?

– Да! Такой транжира оказался, что просто смотреть страшно. Уже рубля три прокутил, если не пять. Мать и то не в курсе, что две котлеты получил.

– Точно?

– Она бы подругам разболтала. Хороший паренек. Скромный, умный, работающий. Деньги да, любит. А кто их не любит?

– Не болтун значит. И тихушник. Это хорошо, это просто замечательно. Собирай посылку, делай пацану чистые документы и давай добро на покупку дома. Не забудь мои шмутки к себе перетянуть.

– Значит, рискнем?

– Другого шанса нет, и неясно, когда появится. Парню обещаем кусок, он рад-радешенек будет. В первый момент на него никто не подумает, а после поздно станет. По всесоюзному розыску будут искать – не найдут. Коли начнет болтать, утонет или, раз сердечник, инфаркт заработает. Решим вопрос. Ты хорошенько подкорми его, чтобы чувствовал благодарность. Молодой, умный, пригодится еще не раз. Давай, завершай наши дела. Болею очень я, на пенсион уже пора. Да и ты в конце сезона сядешь. Хотят с поличным весь золотой штос взять, вот и тянут. А мы жадничать не будем, как груз

дойдет, сразу соскочим.

– С семьей расставаться жалко.

– Да ладно! Год-два, за ними присматривать перестанут, тогда к себе перетянешь. Денег на жизнь жене оставишь, всё хорошо будет.

– Дина ситуацию поймет, за дочку боюсь.

– Дочка тоже поймет. Я больше блатарей опасаюсь. Они парня не перехватят? И в пути за ним присмотреть бы надо, и шансы прокола тогда растут.

– Думал я, как его прикрыть. На теплоход посажу, чемоданы к пирсу принесут. Потом телеграммы буду слать, чтоб тишком встретили, проводили, а если надо – помогли. Дам пистолет, до отъезда стрелять его поучат, вроде как для соревнований. Не дай бог что, на маршруте отобьется. Но такое развитие дел крайне нежелательно. Как только во Владивостоке на поезд сядет, мне сообщат. Я сразу к вам. Вместе мы на самолет и в Москву. Там встречаем груз и едем оформлять дом.

– Вроде должно получиться. Туз – главная напасть. Говоришь, всю квартиру перерыл?

– Да. Когда охотничьи снасти собирали, везде проверил.

– Блатари, как и чекисты, ждут, когда мужики шлих сдавать нам понесут. До того наезжать не будут.

– Может, хотя бы Мулю предупредить?

– Не надо! Одному скажешь, он другу, тот товарищу. До энкавэдэшников моментом дойдет. Как соскочим, успеем

упредить. Телеграмму дадим.

– Всё же опасаясь я. Может, сопровождение мальчику таки устроить?

– Не начинай сначала! Решили уже!

* * *

– Муля, сделай как надо.

– Петр Петрович, когда Муля-Химик вас подводил?

– Марк – хороший человек, но плотно завяз. Уйти в бега не сможет, семью бросить не решится. А чекисты его плотно обложили, ждут конца сезона. Как возьмут, он сразу расколется. Ладно про Семёна с его старателями расскажет, он и меня заложит, и кому шлик отправляли, расскажет. Про тебя тоже молчать не будет.

– Петр Петрович, отлично понимаю. Оно и в моих интересах.

– Вот, деньги возьми.

– Огромное спасибо.

– Сейчас Марк для меня дело делает. Парнишку отдыхать отправляет. Лёша мне помог, я отплатить ему должен? Должен! Как паря уедет, действуй не мешкая. Я после приеду.

– Так точно.

– На следующий сезон ты вместо Марка встанешь.

– Оправдаю ваше доверие.

– Никто не знает, что сюда прилетал?

– Никто. Сегодня же вечерним рейсом вернусь.

* * *

– Марк, не слишком ли жирно будет, а?

– Тебе что? Жалко? Чалдон платит.

– Да, но всё-таки...

– Значит, так. Курорт не обсуждается. Только Туапсе, только санаторий, только одноместный номер. И упаси тебя боже подсунуть задрипанный корпус в километре от моря. Кстати, пляж должен быть обязательно. Каюты только класса люкс. Будет питание – бери с питанием. На железке купе СВ. И давай без художественного кроя. Ты себе червонец скрывать захочешь, а провалишь поездку. Чалдон обидится. А как он обижается, ты помнишь.

– Ну, зачем сразу угрожать? Ты же меня знаешь!

– Знаю, Сёма, знаю. Потому и говорю. Да! И подарок от Чалдона не забудь.

– Есть мотоцикл с коляской.

– Например. Но присмотри еще что-нибудь в альтернативу. Не жмись, деньги будут. Не сможешь подарить от кооператива – продадим ему за две копейки.

* * *

– Вот фотокарточки и пожелания к деталям. Человека лучше выбрать из тех, кто кочевать будет.

– Однако чавчувена возьмем. Есть один хороший парень. Сирота. Папы нет, мамы нет. Такому и помочь не грех, однако. Снарядим, оденем, обучем. Ружье дадим, патроны. В бригаду пристроим. Спирта нальем.

– Спирт сам знаешь как вашим давать. Опасно. Сопьется и своих спойт.

– Немного надо. Однако обычай такой. Опять же после праздников на выпускников документы оформлять буду. Ребята выпьют, сами получать не смогут. Я за них получу, однако.

– Чтобы фото с человеком не сравнили?

– Однако да. Лицо не наше, могут понять.

– Сколько денег нести?

– Еще не знаю. Однако одежду надо на двоих сделать.

– На двоих-то зачем?

– Может, твоему придется за документами идти. Самому получать, однако.

– Лучше бы не надо.

– Тогда много спирта неси.

– Смотри, как поступим. Когда Марк последнюю наличку с материка получит? В самом конце мая?

– Не уверен. Прошлый год только в начале июня кассу свел. Потом затихарился до сентября и, лишь когда мужики шлих сдавать стали, деньги показал.

– Они думают: Туз на золото нацелился и осенью на фраеров наедет. А мне золота не надо, я наличными возьму. Если не договоримся, Чалдона придется валить. После с человечками прилечу в поселок, возьмем Марка за жабры, он весь расклад выложит. Только они с Чалдоном знают, где общак лежит?

– Только они. И людей с материка тоже, кроме них, никто не видел.

– Значит, делай как Марк скажет. Чтобы ни о чем не подзревал.

– Они пацана на юга по первому классу отправляют.

– Пусть. Самого Чалдона спас! Жадный ты, Сёма, за ломаную копейку удавишься!

1.05.72

На Первомай по главной улице поселка шла демонстрация. Никто никого туда силком не загонял, люди сами с энтузиазмом участвовали в торжествах. Пели песни, сканди-

ровали речовки и слушали речи на митинге. Потом отмечали по домам, чтобы позже собраться на самодеятельном концерте в клубе. С высоты прожитых лет было грустно наблюдать такой энтузиазм. Пройдет всего двадцать лет, и идеология резко изменится. Но сейчас весь поселок собрался здесь. Ребята из школы гуляют с семьями, строят планы на праздники и договариваются встретиться в клубе на танцах.

Ирка на меня надулась, видать, отец таки засек поцелуечик, и погулять с ней не получилось. Мама ситуацию просекла и слегка похихикивала.

Соньку встретил. Она сказала, что Марк Аркадьевич улетел в Питер, навестить дядю Петю.

Сегодня мы собираемся у Соколовых. После демонстрации пошли к ним, поели, выпили. Я не пил, конечно. Наша компания была в курсе про принесенное на сохранение немецкое ружье, и охотники делали прозрачные намеки на «пострелять», а кое-кто заговаривал про «поменяться». Отговорился тем, что оно не мое и неизвестно, станет ли моим когда-нибудь. Взрослые решили на концерт не идти, а спеть самим.

Жека, пока родители отвернулись, хряпнул залпом стакан мицне, потом добавил стопку водочки и стал плохо транспортабельным. Я пошел в клуб один.

По пути забежал домой, взял фомку, заныканную бутылку из-под бормотухи и упаковку от презерватива из запасов художника. Хочу проверить одно старое воспоминание.

Концерт еще не начался, зал закрыт, но в фойе клуба не протолкнуться.

В развернутом на улице буфете стоит длинная очередь. Люди потребляют глинтвейн, наливаемый из 50-литрового электрического самовара. Титан горячего кофе со гущённым молоком для трезвенников и малолеток тоже присутствует. Когда объявили начало концерта и буфет стал сворачиваться, народ направился кто в зал, кто домой.

Я выждал, пока люди не разошлись, и пробрался на второй этаж. За входом в будку киномеханика идет лестница на чердак, за ней кладовка. Тихо отжал фомкой дверь и огляделся, всё ли спокойно? Из зала звучала речь председателя поссовета.

Включил свет, поставил в угол бутылку, а на середину комнаты бросил разорванную упаковку «изделия номер 2». Теперь любой сразу поймет, зачем нужно было вскрывать дверь. У окна той же фомкой поднимаю половицу. В прошлой жизни мы с мальчишками бегали сюда смотреть пустой тайник, а сейчас здесь лежат два твердых предмета, завернутых в брезент. Ощупываю свертки и маминым портновским сантиметром измеряю длину. Получилось 88 сантиметров и ещё чуть-чуть. Кладу на место половицу, стряхиваю в щели мелкий мусор и ухожу, не выключая свет. Затворять дверь тоже не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.